

9-87

ISSN 0130-2647

КРЕСТЬЯНИКА

Интересно. Получает

**Сегодня вся страна
закладывает основы
будущего.
И как взрыхленная
почва ждет
нового зерна,
так все мы
ждем перемен.
Нет, не ждем —
участвуем в них,
обновляемся сами.**

Так повелось: победителям на жатве вьют венки из колосьев. И делу венец, и старание увенчано. И добрый намек: ведь у венка, как в работе земледельца, начала нет и нет конца. На том поле, где снят нынешний урожай, пахарь уже закладывает основы урожая будущего.

Нынешняя страда — серьезная проверка наших перспектив. Готовы ли к завтрашнему дню, которого, как сказал на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, «может и не быть, если сегодня не работать в поте лица, меняя образ мышления, преодолевая инерцию, осваивая новые подходы».

Один из таких новых подходов — перевод хозяйств на полный хозрасчет, на самофинансирование и самоокупаемость. Лодырей нынче никто кормить не будет. Зато хозяйства получают самостоятельность, какой раньше не было. Твори, выдумывай, пробуй — вот когда пора настала! Взять хотя бы такую форму организации труда, как подряд: коллективный, бригадный, семейный, смешанный, индивидуальный, арендный, семейный вне рабочего времени... Право выбора — за хозяйствами, за тружениками.

...Как самостоятельны Денис и Алешка Плешневы, прибежавшие в поле помочь «семейному экипажу», на котором трудятся мама с папой! Маленькие жители кубанской станицы понимают: на жатве все руки нужны, за урожай все ответчики. Дедушка Петр Григорьевич тоже комбайнер. Более тридцати лет провел за штурвалом. Участник Парада Победы, многими орденами и медалями награжден. Пенсионер, но каждый год на жатве. А работать всей семьей — что может быть интересней! И у них, у Плешневых, здорово получается. Семейный экипаж Татьяны и Михаила награжден грамотой краевого комитета комсомола по результатам прошлой жатвы — награды за нынешнюю еще впереди.

А на Украине, в Винницкой области, в колхозе «Дружба» оценили работу семей по выращиванию продукции от начального этапа до конечного результата. «Дружба» — самое крупное в области хозяйство. И вроде было не на плохом счету, когда вдруг в конце 1984 года решили сломать всю структуру и в растениеводстве, и в животноводстве. Что случилось?

— А колхозник от земли уходит, — отвечал на такой вопрос председатель колхоза Владимир Фадеевич Вильчинский.

— Уезжает, что ли?

— Дома горожанином становится. Не заинтересован в результатах хозяйствования.

Перевели хозяйство на цеховую структуру, внедрили бригадный подряд. И уже в 1985

году получили продукции значительно больше, чем в предыдущем. А трактористов, к примеру, вместо 104 работало только 92...

В нынешнем году опять новшество: семейные звенья. На фермах. И для разведки — что покажет? — одно в растениеводстве.

В Витебской области Белоруссии семейный подряд на заготовке кормов действует почти двадцать лет. Сама природа там подсказала эту форму организации труда: низины, болота — техника не идет, сено пропадает. Поделили все сенокосы, луга между семьями: соберете пять тонн сена — две себе, три в колхоз, по 25 рублей за тонну. За каждую сверхплановую — 40 рублей. С сеном проблем нет. Колхоз имени Сильницкого, к слову, в нынешнем году перешел на самофинансирование, собирается выйти на 4000-й рубеж по надоям. Почему бы и нет, если в прошлом году 3800 было, а кормов в избытке. Ведь семейные звенья сдают в колхоз не по три, а по пять тонн, а в прошлом на сено урожайной году — по пятнадцать сдали! Выгода взаимная.

Закрепили луга и сенокосы за семьями бессрочно. Сколько живет семья, работает в колхозе, столько и коси — себе и хозяйству. Можно «по наследству» передать, если дети по твоим стопам пойдут. И колхозники ухаживают за этими участками, как за своим подворьем: вносят удобрения, подсевают травы, все до травинки выкашивают.

Подмосковный Воскресенский район тоже в поиске: перекраивает свои поля на трех- и четырехпольный севооборот с тем, чтобы закрепить за семьей полный севооборот. Экономисты внимательно следят: что получится? Госагропром СССР, Госкомтруд и ВЦСПС разработали рекомендации по применению семейного и личного подряда в сельском хозяйстве. Уже сегодня по этому принципу трудятся более двух миллионов человек.

Среди них — звено братьев Кожуховых и Пулатова из колхоза «Большевик» Ордынского района Новосибирской области. В 1986 году они взяли четырехпольный севооборот — 1325 гектаров. Из них 936 под зерновыми. В первый же год братья и их товарищ получили по 25 центнеров зерна с гектара. Среднемесячный заработок члена звена за прошлый год — 594 рубля. Что ж, это ведь звено — КИТ, то есть коллектив интенсивного труда. Высокие заработки действительно заработаны.

Коллектив интенсивного труда — их в стране пока немного — это творческая лаборатория, объединившая профессионалов высокого класса, это тот опыт, которого нет пока у других, но который может и должен стать завтра достоянием всех.

Нина КОРИНА

ся!

Нива, если смотришь на нее издали, будто ровная лента, до горизонта тянется. Но уже

с высоты комбайна

отчетливо виден каждый колосок.

Татьяна Плешнева вообще-то почтальон, но когда наступает жатва и дорога каждая пара рук — идет помощником комбайнера в «семейный экипаж», который возглавляет ее муж Михаил. Только на время обеда замирает комбайн. Обедают, отдыхает, переводит дух династия Плешневых.

Фото И. ЯКОВЛЕВА.

А У НАС — БЕЗ ПЕРЕМЕН...

Читаем газеты и журналы, слушаем радио, смотрим передачи по телевизору, и душа радуется: сколько добрых перемен происходит в стране!

А у нас ничего этого нет. Все по-прежнему: и бесхозяйственность, и безответственность, и негодные методы руководства.

Каждый год наш колхоз несет большие убытки от падежа скота, особенно молодняка. Да и как не быть падежу, если телята всю весну стояли по самую шею в навозной жиже и их ничем было кормить? Душа кровью обливается, когда видишь это! А вот у специалистов, отвечающих за животноводство, и у самого председателя колхоза А. А. Ковтуна души, по-видимому, закаленные. Председатель за всю весну ни разу не побывал на ферме. А обращаться к нему — дело опасное: в лучшем случае нарвешься на грубость, в худшем — услышишь слова, которые не печатают ни в журналах, ни в газетах...

В бригадах и на фермах из рук вон плохо с дисциплиной и порядком. Не изжиты прогулы, пьянки в рабочее время. Минувшей весной произошло ЧП: пьяный конюх В. Н. Таран заснул на рабочем месте с сигаретой в зубах. Не удалось спасти ни его самого, ни 26 лошадей, ни конюшню...

О том, что Таран постоянно бывал на работе пьяным, знали и руководители колхоза, и партийная организация. Но даже пальцем не пошевелили, чтобы пресечь это безобразие. Да и после несчастия серьезных выводов не сделано.

Наше село — одно из самых крупных в районе, центр Мошоринского сельсовета. Но и колхоз, и сельсовет плохо заботятся о его благоустройстве.

А посмотрите на наши дороги. Техника, даже новая, и месяца не выдерживает на этих колдобинах. Даже зимой автобусы не могут пробиться сквозь ямы. Правда, есть период в году, когда проехать можно, — это во время уборки урожая, когда ямы наполняются зерном, просыпавшимся из машин по дороге на элеватор.

Обо всем этом хорошо знают и председатель колхоза А. А. Ковтун, и секретарь партийной организации Н. П. Бульдович, и председатель сельсовета М. А. Филоненко. Но у них, по-видимому, до таких «мелочей» не доходят руки...

Одним словом, свежий ветер перестройки до нас еще не долетел.

Группа колхозников колхоза «Октябрь».

Знаменский район,
Кировоградская область.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил председатель исполкома Знаменского районного Совета народных депутатов Н. М. Кравцов, факты, изложенные в письме, полностью подтвердились. Председатель колхоза А. А. Ковтун и председатель сельсовета М. А. Филоненко действительно допускали серьезные недостатки в работе, не принимали должных мер по перестройке руководства многоотраслевым хозяйством, недостаточно занимались воспитанием коллектива, медленно решали социальные проблемы жизни села.

Приняты меры для улучшения хозяйственной деятельности колхоза, виновные в падеже телят и в пожаре конюшни, в том числе и А. А. Ковтун, привлечены к административной и материальной ответственности. А. А. Ковтуну указано также на недопущение грубого, нетактичного поведения с людьми.

Исполком сельсовета и правление колхоза разработали комплексный план по благоустройству села Мошорино и решению социальных проблем, о которых писали колхозники.

«Крестьянка» не снимает это письмо с контроля. Она намерена проверить, насколько действенными окажутся принятые меры.

ДЛЯ ПОЛНОЙ ЯСНОСТИ

Гостями Немчиновку не удивишь: за опытом сюда ездят ближние и дальние, перспективные и отстающие, «специализированные» и «комплексные». А если в доме гость, у хозяев суета и хлопоты. Так?

Непохоже. Зоя Георгиевна Загороднева, правда, на ферму прибежала прямо от пирогов («И думать не смейте, чтоб в Немчиновке быть, а моих пирогов не попробовать!») — ее узнали сразу по легкой, стремительной походке: уж кто-кто, а доярки догадываются, что если доить 8 тысяч литров молока на корову, не только бегать — летать научишься. А на ферме тишина и порядок. Валенсия, Веранда, Морковка — коровы красивые, чистые; наши гости, не удержавшись, то одну погладят, то другую обнимут и, застеснявшись, оправдываются: «Больно на мою Ласточку (Липочку, Ясочку) похожа». Иван Лаптев никаких таких нежностей себе не позволял, и один из первых его вопросов к ученым был:

— Как относятся коровы к обезличке?

— Плохо, — ответил Петр Егорович Поляков, доктор сельскохозяйственных наук. — Корове нужно, чтобы ее отличали и любили.

О чем бы потом ни заходил разговор, возвращались к этому: корове нужно...

Пора, однако, представить гостей из Томской области. Среди них два Героя Социалистического Труда — Таисия Александровна Пучкова и Зоя Григорьевна Никитина, заведующая животноводческим комплексом Тамара Васильевна Горбунова, член молодежного отряда «Апрель» Марианна Оводкова и комсорг комплексной бригады животноводов Иван Лаптев. Все из одного района — Томского. Друг друга хорошо знают по клубу «3500»: клуб объединяет тех, кому удается получать от каждой коровы 3500 и больше литров молока. Таисия Алек-

сандровна Пучкова — президент клуба. Иван Лаптев намерен вступить в «3500» со всей своей бригадой. Его парням еще работать и работать, чтобы быть принятыми в это, в общем, женское объединение. Но, как утверждают те же женщины, место в клубе упрямым и думающим животноводам из Иванова села обеспечено.

«3500» работает на программу «Молоко». Что это за программа, ясно по названию. Задача такая: снизить разницу в надоях между передовыми и отстающими фермами. Главные направления: создание нормальных условий труда для животноводов, кормовая база, воспроизводство стада. К тринадцатой пятилетке район хочет выйти на рубеж 3500, то есть в год прибавлять на корову 100 литров молока. В прошлом году прибавка составила 265 литров на корову. Можно радоваться? Рано пока. Зоя Георгиевна Загороднева надаивает в два раза больше, чем любой член томского клуба. Конечно, условия разные, но, считают сибиряки, 5000 литров — цифра реальная. Вон Никитина за нее уже уходила, а Пучкова приближается. И результаты Загородневой спокойно спать томским дояркам не дают. Выступление Загородневой в «Крестьянке», давнее уже, они знают разве что не наизусть. А саму бы Зою Георгиевну повидать, ферму ее, коров... Вот она писала, что много помогают ученые — тех бы ученых и сибирякам послушать. Короче, обратились в «Крестьянку»: так и так, имеем большой интерес к Немчиновке, вопросов за полтора года после вашей публикации мы поднакопили, можете встретиться. И на встрече приехали со своим журналистом, с Зинаидой Дмитриевной Куничиной, и с заведующим агропромышленным отделом Томского райкома партии Георгием Ивановичем Гачкайло. Они тоже работают на программу «Молоко», каждый на своем участке.

ПРИЕХАЛИ ЖИВOTНОВОДЫ ИЗ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В «ПОДМОСКОВЬЕ»

Клуб «3500», появившись в Томском районе как самостоятельное объединение, стал уже областным. А в районе клуб по-прежнему генератор идей, пропагандист опыта, организатор соревнования. Интерес к нему есть в каждой сельской семье, где кто-нибудь обязательно имеет отношение к животноводству и, значит, к программе «Молоко». Ну, во-первых, само членство почетно, значок клуба вроде награды. Когда Зоя Григорьевна Никитиной предложили вступить в клуб почетным членом (это было на самом первом заседании), она отказалась наотрез. Как так — герой труда, из лучших областных доярок, надежда и гордость — не в клубе?! А дело в том, что Зоя Григорьевна перешла в звено на животноводческий комплекс, и звено этих трех с половиной тысяч на корову не надаивало. «Я авансом к вам вступать не хочу. И нельзя мне одной: работаю-то в коллективе». Коллектив же на 3300 литрах девять лет стоял и ни с места.

— Я своим рассказала про клуб и что он пока не для нас.

▲ Это не экскурсия — здесь, на ферме, доктор сельскохозяйственных наук Петр Егорович Поляков консультирует томских доярок.

Зоя Григорьевна Никитина, Зоя Георгиевна Загороднева и Таисия Александровна Пучкова (слева направо), — Герои Социалистического Труда, коллеги и теперь подруги. ▶

А стремились мы туда очень. Как работали, как старались! Да одного старания нашего мало, корма нужны. Тут все сорок пять человек животноводов затревожились и заволновались. И что вы думаете? Сдвинули это дело, перезимовали хорошо, летом зеленый конвейер... 3650 на корову получили, даже не верилось. Вот тогда я поехала в клуб, принимайте, говорю, нас всех.

Что касается опыта... Члены клуба и к себе на ферму приглашают, и сами выезжают. К Ивану Лаптеву, например. У него ситуация непростая: пришла на ферму мужская бригада, из молодых. Пришла по просьбе директора, совсем худо было в животноводстве. И в бригаде трудно: новички, еще не коллектив, и вокруг раздражение: мол, мы вас не звали.

— На моих же глазах было: перед скотником, пьяницей и прогульщиком, ломают шапку, уговаривают работать. Мы на ферме чуть ли не ночуем, а кто-то кое-как дело сделал и скорее домой. Мы за порядок бьемся, а кому-то в беспорядке лучше: не видно бездельника. У пьяниц, у лодырей к нам прямо ненависть. — Ивану, кажется, и вспоминать тяжело, а переживать какво было?

Клуб, узнав про это, направил на Иванову ферму десант. Среди «десантников» Тамара Васильевна Горбунова.

— Прихожу — день начался, а специалисты дома спят. Грязь, кормораздатчик сломан, скот ночевал голодным, а бригадиры спокойны. Меня аж затрясло! Говорю директору: «Собирайте специалистов, я им все в глаза скажу...»

Как у Ивана сейчас? На встрече в «Крестьянке» он рассказывает:

— Да все-таки люди к порядку тянутся. И бригаду мы перетасовали окончательно. Нам, честно говоря, жены многое подсказали с кадрами. Они, видно, лучше нас знают, кто работающий и непьющий. Мы продержались: доим больше, чем в среднем по совхозу, заработки высокие. А в мужской коллектив чего же парню не пойти? Вот и появился выбор, любого-каждого не берешь.

Смеется:

— Знаете, бригада была как купол, чтобы от насмешек спрятаться. А теперь... Кнопка из пушкаты вылетела — доярка электрика ищет, а мы все сами, на ходу. Женщины нас уважать начинают...

В эту поездку клуб пригласил Ивана Лаптева, зная, что с его дотошностью и знанием техники легче будет освоить немчиновские впечатления, ухватить суть здешних новшеств. Как ни крути, а без квалифицированного «технаря» на ферме сегодня невозможно. Вот первое удивление сибиряков: немчиновские фермы не хоромы, а чистота здесь поразительная.

— Система навозоудаления, — объяснили хозяева, — работает без серьезных поломок двадцать лет. Хороша система? Да, конечно, но в хороших руках. Обратите внимание: стояла у нас

короче обычных и сантиметров на пятнадцать выше пола. А потолки, посмотрите, высокие, вентиляция естественная, и потому воздух свежий.

То, что оказывается таким простым, создавалось продуманно и толково, по рекомендациям ученых и специалистов, прежде и больше всего заботившихся об условиях труда животноводов. В союзе науки и практики партнерами ученых могут быть только высококвалифицированные работники. Как Загороднева, ведь это Немчиновка ее вырастила. Зоя Георгиевна помнит времена, когда работалось ей тяжело и безнадежно, в бесконечной, наверное, еще многим дояркам знакомой суете: и за скотника, и за кормача, и с вилами, и с мешками. С ног падаешь, а молока нет. И какая уж тут квалификация, не надорваться бы, на сквозняках не застынуть...

Теперь водит гостей по своей ферме, обнадеживает:

— Все это у вас может быть. На любом дворе. Руки только приложить.

Таисия Александровна Пучкова, соглашаясь, уточняет:

— И головы неплохо бы. Я на дне животновода скажу специалистам...— По интонации понятно, что ласковых слов специалисты от нее не услышат.

Для президента клуба, видно, условия труда — большой вопрос. У себя в районе она на разных фермах бывает, всякого нагляделась. И не бешеных денег такой вот порядок стоит! За чем же дело стало?

Думаем об этом, толкуем и спорим на встрече в редакции. Позже, потом. Здесь, в Немчиновке, самое золотое время — несколько часов с учеными Научно-исследовательского института сельского хозяйства центральных районов Нечерноземной зоны, с главными специалистами научно-производственного объединения «Подмосковье». Это консультации по основным проблемам, решение которых предусмотрено программой «Молоко». Здесь они конкретизируются в самих вопросах:

— Режим труда, его организация. Как распределены обязанности на ферме?

— Каковы основные принципы кормления животных?

— Как решаете проблему качества кормов?

— Как используете пастбища?

— Где и как выращиваете молоко?

По сути, идет обсуждение принципов интенсивной технологии, внедренной в Немчиновке и являющей собой мечту клуба «3500» быть когда-нибудь переименованным в клуб «4000». Потом — «4500». А потом...

— Вы прибавляйте, а мы свои тысячи не уроним,— так проводжали немчиновские доярки гостей.

— Прибавим. Вы на нас надеетесь,— обещали гости.

Обещали всерьез, угадывая интерес подмосковных доярок к делам доярок сибирских. А откуда, собственно, этот интерес, чем объясняется?

Повторю: немчиновские животноводы — профессионалы высокого класса. Их труд хорошо оплачивается и отмечается наградами. Они знают себе цену, но и знают, что у них есть возможности работать хорошо. И этими своими возможностями гордятся и дорожат.

Сибирские доярки таких возможностей пока не имеют. Однако за два последних года убедились, что объединение профессионалов вот в такой самодеятельный клуб с целью ускорить решение затянувшихся, измучивших всех вопросов имеет прямой резон. Работая хорошо, часто даже самоотверженно, они тоже хорошо зарабатывают, их отмечают наградами. Но хотят работать лучше. Результативнее. По-новому. По науке. Как в Немчиновке.

Тамара Васильевна Горбунова рассказала нам про девочку, дочку доярки. Летом девочка норовит ночевать на пороге, чтобы мать, когда побежит на ферму, споткнулась, разбудила и взяла с собой. Сладить с девочкой не удается, и это Тамару Васильевну радует:

— Доярочка растет!

Наверное, таких подрастает немного. Зато вокруг них закрутится будущее животноводства. Сегодня же оно крутится вокруг тех, кто встречался в Немчиновке. И благодаря им и таким, как они, продержалось в трудные недавние годы.

Сегодня томские доярки ставят перед собой задачу не терпеть и ждать, когда заявленные перемены докатятся до всех ферм и дворов, а действовать. И эта их задача абсолютно понятна подмосковным животноводам. В конце концов все они работают на одну программу.

Анастасия КУПРИАНОВА

Фото Е. МАТВЕЕВА.

Когда верстался номер, из Томского района сообщили: «Идем с плюсом по сравнению с тем же периодом прошлого года. На заседании клуба «3500» во всех подробностях обсудили опыт Немчиновки. Он нам подходит».

КТО
ОТВЕТИТ за

Шелаевская средняя школа — это целый комплекс, куда входят спортивная и музыкальная школы, хореографическая студия, сорок различных кружков, стрелковый тир и многое другое, сразу и не перечислишь.

Шелаевская школа в моей жизни существовала всегда. Здесь я учился, здесь учительствовал, а восемь лет назад стал директором. Много за свою жизнь видела она директоров. Но для меня первым и самым главным был и будет Василий Андреевич Попов.

Вот недавно пригласили мальчишки сыграть с ними в волейбол. Я было отмахнулся: педсовет на носу. Но вспомнил, какой магической силой было наполнено когда-то для меня это слово — волейбол, впервые произнесенное Василием Андреевичем. Мы выбрали тогда его капитаном команды, и он терпеливо обучал нас всем тонкостям игры. Обучал так, что мы, шестиклассники, выиграли у команды колхоза... Вспомнил и стал искать кеды.

Учитель — профессия сомневающаяся. Тому ли учишь, все ли делаешь, чего от тебя ждут? Наверное, учителю мало быть профессионалом, хорошо знающим свой предмет, надо еще обязательно любить детей, понимать их, чувствовать. Без этого воспитание невозможно.

...Вот стоит у доски мальчик и упорно молчит. Я готов взорваться от его молчания. И вдруг вспоминаю: «Нельзя делить ребят на талантливых и дураков. Если ребенок слаб в истории, скажем, ищи дело, в котором он будет твоим учителем». Так учил нас Попов.

Есть ребята, которых в школе уважают все. Витя Салодилов, например. Поискать еще надо в колхозе человека, который так бы любил и знал лошадей. Такая репутация у него была еще с пятого класса. Как-то пришел ко мне председатель колхоза.

— Дайте ребят, Василий Савельевич, и обязательно Виктора. Несколько дней бьемся: не можем перегнать лошадей.

Ребята проработали всю ночь, но сделали дело, которое под силу только им. Все это знали, и они это знали.

У учителя нет права ошибаться, определяя судьбу своего ученика. Каждая такая ошибка, даже возможность ошибки ляжет тяжким грузом на твои плечи. Помню, подписал я документы, собираясь отпустить из школы Колю Кузнецова, ученика слабого, стоявшего на учете в детской комнате милиции. Честно сказать, вздохнул свободно. А потом стыдно стало. От кого задумал избавиться? От мальчишки, который и так горя хлебнул достаточно? Отец ушел из семьи, мать на сына рукой махнула. А ребята его любят, за ним весь класс в огонь и в воду. Отложил Колины документы. А на педсовете говорю: «Товарищи учителя, что же мы бьемся о Кузнецова, как о стенку? Он же коновод, по-научному — лидер. А лидер — это уже личность. Давайте сначала».

Григорий Яковлевич Синько, гидромелиоратор колхоза, стал воспитателем Николая.

С ним мальчишка впервые сел на трактор, проложил свою первую борозду. А потом Виктор Алексеевич Кубаев, руководитель школьного радиокружка, по просьбе Синько, пригласил Колю к себе на занятия. Зашел Николай посмотреть да так и остался. Сейчас парень отлично разбирается в сложной аппаратуре, любую может наладить. Какую ошибку мог бы я совершить, не отложив тогда в сторону документы Николая. Подумать неловко. Нет, не неловко — страшно.

«Трудными» называются подростки, в жизни которых не было труда.

Для моих сверстников, мальчишек и девочек послевоенных лет, уроком труда был каждый день. Время было тяжелое, полуголодное. В 15—16 лет мы чувствовали себя — да и были — взрослыми людьми, работали в меру сил, помогали родителям. Сейчас не так. И государство наше, и почти каждая семья вполне могут обойтись без труда подростков. Но сами подростки без труда обойтись не могут. Потому что именно через труд обретается самостоятельность, чувство собственного достоинства, воспитывается социальная ответственность. Даже «Евгения Онегина» в конечном счете можно впервые прочитать и в тридцать лет. Но научить человека брать на себя долю общего труда нужно в детстве.

Трудовое воспитание на селе все же иное, чем в городе. Однажды наблюдал такую картину. В лагере труда и отдыха «тихий» час, ребята спят после обеда. А в окно спальни стук.

— Петька, вставай, негодник! Чего разлегся? Скотина некормленная!

— Мам, у нас же режим.

— Я тебе покажу режим. И огород не забудь полить. На ферму опаздываю...

Без труда земля кормить не будет. Люди уважать не станут.

Нет для ребенка большего разочарования, чем понять вдруг, что твоя работа ненастоящая, придуманная «для воспитания».

Наши работают по-настоящему. Сделанные ими в мастерских болты тут же ставятся на трактор. Дети сами засевают поле и сами убирают урожай, долгими часами пропадают около своих коров, но ведь и удои высокие.

Очень медленно становились мы полноправной хозяйственной единицей колхоза, на которую можно рассчитывать всерьез. Первый опыт поставили по заданию Харьковского сельскохозяйственного института. Посевы кукурузы уплотнили кабачками. Валовой сбор на опытном участке получился много больше обычного. Потом взялись за подсолнечник и урожай собрали вдвое больше, чем в колхозе.

Все, что у нас сегодня есть в школьных кабинетах, комнате отдыха, на спортивной площадке, сделано руками ребят. Сложное оборудование и спортивный инвентарь куплены на деньги, заработанные ими в колхозе. Но как же не просто все это давалось. Сначала родители и учителя роптали, обвиняли меня, что лишаю детей, и их заодно, законного отдыха. Но другого выхода у меня не было. Приказов я не писал. Вешал, например, объявление: «Завтра в 9.00 строим тир». Приходил к школе первый и на-

чинал расчищать площадку. Тут же прибежали ребята, а к девяти и взрослые подтягивались. Приходили и те, кто был «за», и те, кто был «против». Работали в выходные, после уроков. Все вместе: шестиклассники, старшеклассники, преподаватели. Открытие тира превратилось в настоящий праздник: ведь он был первым в нашей области. У нас многое было первым. По инициативе ребят сделали комнату игр для малышей, кабинеты оснащены современной аппаратурой, большинство уроков проходит с просмотром диафильмов и телепередач...

Школа на самоокупаемости. Звучит непривычно. А почему, собственно? При умелой организации труда школьников, при умном и деловом сотрудничестве школы и базового предприятия школа имеет возможность зарабатывать деньги на свои неотложные расходы. Сейчас же чаще всего она выпрашивает их у государства. Мы-то, правда, средства имеем. Все, что у нас есть, приобретено на деньги, заработанные школьниками. Но могли бы иметь еще больше.

Как вдохновляюще звучал два года назад лозунг: «Школьная реформа — всенародное дело». Как много обещал он нам, педагогам. Какую заботу и внимание проявляли к нам местные партийные, советские и хозяйственные органы. Но вот прошел год, второй, розовый туман рассеялся, оставляя после себя капли живительной влаги то в виде стадиона или игрового городка, то в виде двух доильных аппаратов или трактора, то в виде участка колхозной земли, закрепленной за школой, или 3—5 рабочих мест на предприятии-шефе.

Лично меня сейчас волнует вопрос: не останемся ли мы, педагоги, один на один со школьной реформой?

На июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС говорилось о том, что сейчас, к сожалению, приходится сталкиваться с такой ситуацией, когда разговоров о пользе перестройки ведется много, но мало что делается практически. Это один к одному относится и к перестройке школы. Когда обсуждали основные направления школьной реформы, все были «за», все ее «приветствовали и одобряли». Но когда дело коснулось конкретных проблем организации производительного труда школьников, активность шефов поутихла. До сих пор нам продолжают «спускать» планы направления молодежи в СПТУ и техникумы без учета реальных потребностей. К нашему мнению и к нашим планам — а ведь составлялись они вместе с базовыми предприятиями — пока не прислушиваются. Координационные советы по трудовому обучению и профориентации, которые должны быть в агропроме, тоже молчат. Ни сырьем, ни оборудованием нас централизованно не обеспечивают.

Интересно получается: летом наши девушки самостоятельно работают доярками, получая по 200—250 рублей, юноши работают трактористами, помощниками комбайнеров. Но в урочное время, то есть в течение учебного года, мы никак не можем выпросить себе, к примеру, группу коров. Пока хозяйство без нас обходится, но почему-то никто не хочет думать о том, что будет через 5—10 лет. Мы пытаемся увязать профессиональное обучение с производством, даже кабинеты механизации сельского хозяйства и по обучению опе-

лентяя?

раторов машинного доения пытаемся организовать в мастерских колхоза и на МТФ. Нам не отказывают, но и настоящей поддержки тоже нет.

Наверное, картина была бы иная, если бы не на словах, а на деле школьная реформа стала всенародным делом, и наряду с нами за нее несли бы ответственность партийные, профсоюзные, комсомольские организации базовых предприятий, исполкомы местных Советов. Пока такую ответственность они на себя не берут.

Не могу не сказать и о родителях. Пока их роль в перестройке школы не определилась. Более того, многие матери и отцы, прожив тяжелую трудовую жизнь, категорически не хотят, например, чтобы их дочери шли работать на ферму. «Вставать затемно, портить руки ради денег... Что мы, свое дитя прокормить не можем? Хватит, мы намаялись, поживите вы как люди», — говорят они. А в результате получается, что своей родительской любовью из самых лучших побуждений они парализуют волю, пресекают самостоятельность своих детей. Сами того не желая, программируют иждивенчество, инфантильность. Сегодня же, может быть, больше, чем когда-либо, нам нужны люди с активной жизненной позицией, умеющие отстаивать свои убеждения, готовые взять на себя ответственность. Своей мелочной опекой, недоверием мы сами гасим интерес молодых, превращаем их в иждивенцев, пассивных исполнителей.

Нашим ребятам по плечу самые трудные дела. Уже сегодня по плечу — так зачем же откладывать на завтра?

...В тот год в январе выпало много снега, потом резко потеплело, пошел дождь. Электрические провода становились на глазах толщиной с руку, ветки берез — толщиной со ствол, а стволы ломались, как стеклянные. Такого оледенения не помнили старожилы. Лопались провода. Вся юго-восточная часть области осталась без электричества. А как на ферме без воды да без света? По две-три группы вручную доила каждая доярка. Школьница Валя Салова, участница конкурса юных доярок, первой взяла на себя группу коров. За ней пришли на ферму и другие.

Было еще и такое. Заканчивался наш обычный рабочий день. Уже заходило солнце. Тишина кругом, покой... И вдруг кто-то пронзительно закричал: «Пожар!»

Горел колхозный гараж. «КамАЗы», поставленные у самого входа, загораживали путь тракторам и машинам. Попробуй пройти между ними, когда огонь совсем рядом. И тут Володя Ерохин, Саша Тимофеев, Витя Салодилов, Сережа Глебов бросились спасать технику. Рев тракторов вывел всех из оцепенения. Шоферы кинулись к «КамАЗам», остальные — к ребятам. Пятьдесят автомашин уберегли от огня. Скоро и пожар потушили. Надо было видеть, какие у всех были лица — и у мальчишек, и у взрослых!

Воспитание — процесс обоюдный: не только мы воспитываем детей, но и дети воспитывают нас...

Василий ПОДЕРЯГИН,
директор Шелаевской средней школы.

Валуйский район.

Фото Б. МАРИНИНА.

Белгородская область.

«Выручила» по-соседски

...**Н**аверное, она думала, что когда-нибудь эта жизнь кончится. Исчезнут, как дурной сон, тесные комнатухи, нетрезвые соседи, маленькое северное солнце над лесом, которое выходит зимой на несколько часов, чтобы прочертить в небе короткую дугу и снова скрыться. Она мечтала о крымском солнце, о просторном доме с цветущим садом, о времени, когда не будет нужды считать каждую копейку. Чем ярче рисовались мечты, тем труднее было выпустить из рук рубли и копейки. Она не ленилась перешивать сыну мужнины вещи, штопать, латать, не стыдилась получать по-

сылки с продуктами от родственников, словно заброшенная на чужбину бедная девочка, не стеснялась перед соседями почти аскетической простоты обстановки. Даже холодильника в доме не было. Пусть, думала, другие покупают пушистые ковры и цветные телевизоры, стараются получить одежду детей, растрачивают по мелочам свои кровные деньги. У Риды Николаевны Хмельницкой был иной размах и иные мечты!

Счет на сберкнижке рос. Экономия в быту прибавляла к нему крохи, но Риды Николаевна знала, что делала. Однажды ей показалось, что час уже пробил, пора Золушке менять засаленный

фартук на дорогой наряд. Но муж воспротивился: «Дотянем до 30 тысяч и покончим».

«Дело» было поставлено на удивление просто. Две сговорчивые соседки, получив от Хмельницкой деньги на покупку водки, разъезжали по району с вместительными сумками, выстаивали очереди в магазин и доставляли товар хозяйке капиталов. А. И. Выборнову Рида Николаевна вознаграждала за поездку шестью рублями. У В. Н. Шостак такса была поменьше — рубль с полтиной: старушке, живущей на маленькую пенсию, и того хватит с лихвой... Рида Николаевна разбиралась в социальных различиях, в человеческих страстях и пороках. Не знаем, сослужило ли тут свою службу высшее образование — она окончила сельскохозяйственный институт, правда, ни дня не проработала по избранной специальности, — или помогал жизненный опыт, но людей Хмельницкая видела насквозь. Безошибочно угадывала, кому можно самой предложить бутылку водки, а перед кем оскорбленно хлопнуть дверью, чтобы ровно через пять минут продать ту же бутылку через безотказных соседок. Она была осторожной, терпеливой, целеустремленной. И не додумала, может быть, только одного. Что кроме пороков и слабостей, за счет которых обогащалась, у людей могут быть и другие чувства, другие желания и намерения.

Не любили свою благодетельницу сговорчивые соседки. Не любили ее жители поселка Чернореченский, несущие ей деньги, заработанные честным трудом, отнятые у семьи, у собственных детей. Сами покупатели утром на чем свет кляли и свою слабость, и расчетливую спекулянтку. Но соблазн был под боком, и кто-то снова не выдерживал, шел в знакомый дом. Четыре года торговала Рида Николаевна водкой, по разным ценам, в разное время дня и ночи, но с неизменным успехом и выгодой — ежеквартально ей удавалось класть на книжку по 1,5—2 тысячи рублей. И все-таки жители поселка не выдержали. В сущности, сами призвали спекулянтку и ее мужа к ответу, потому что без их показаний следствие замерло бы на первом же шаге. Пятнадцать свидетелей подтвердили виновность Хмельницких. А сами?

Недаром, увы, кричала Рида Николаевна, что таким свидетелям, пьяницам и побирушкам, не может быть веры. Она хорошо знала своих постоянных клиентов и откровенно их презирала. Одного не поняла: почему верные покупатели ее выдали, почему с выдворением семьи Хмельницких из Чернореченска у людей словно гора с плеч упала...

Почему? Попробуем ответить. Потому что самый пропавший пьяница, не надеющийся поправить свою жизнь, знает, что его погубило. Потому что пьющий человек не сомневается, что поступает плохо, и в глубине души стыдится своего порока. Потому что многие из тех, кто пьет, и рады бы ухватиться за любую возможность «не пить». Потому, наконец, что «не пить» зачастую помогают не только уговоры близких или коллектив-

ные проработки, но и отсутствие возможности в любой момент, без труда «достать» вождеденную бутылку.

Вот цифры. В 1985 году в Княжпогостском районе вином и водкой торговали 96 магазинов, потребление спиртного на душу населения составляло 40,5 литра. В 1986 году 80 магазинов было закрыто, и на каждого стало приходиться до 17,2 литра в год. Там, где меры, рассчитанные на сознательность, срабатывали со скрипом, помогло простое сокращение торговых точек.

Но нашлись «деловые люди», быстро сообразившие, какую выгоду из этого можно извлечь.

С Ридой Николаевной Хмельницкой мы уже немного знакомы. Попробуем познакомиться поближе.

Ни на один мой вопрос, по существу, она не ответила — наотрез, как и на суде, отрицала свою безусловно доказанную вину. Почему всю жизнь не работала? Потому, что вела хозяйство и занималась воспитанием сына. Что это было за «воспитание», видно хотя бы по такой детали: в поселке знали, если паче чаяния, Хмельницких нет дома, бутылку без проблем продаст их сын. Когда состоялся суд, Саше было тринадцать лет. Пытаясь отвести вину от себя и от мужа, Рида Николаевна заявила:

— Возможно, сын и продавал водку, но без нашего ведома и из личных запасов.

...Бесполезно было ждать от нее раскаяния.

А Лидия Анатольевна Галицкая раскаялась. Когда встал вопрос о лишении ее материнских прав, она наконец поняла, что натворила. Галицкая не больно таилась и отнекивалась, однако пыталась описать свое преступление как дело домашнее, бытовое, по-соседски выгодное.

— Однажды у меня обвалилась плита в печке. Как раз в это время мимо проходил Горячев и предложил плиту за четыре бутылки водки. Согласился на самогон и попросил еще десять рублей. Когда принес плиту и лист асбеста, налила ему еще 200 граммов, уже бесплатно.

Самогонщица Галицкая в Чернореченском конкурировать с «фирмой» Хмельницких, конечно, не могла. Да и доходы измерялись пятерками, а не тысячами. Сначала гнала самогон, чтобы расплатиться за услуги по хозяйству, потом вошла во вкус и в ответ на слезные просьбы выдавала бутылки, предусмотрительно обернутые в газету.

Закрыв дверь, она о своих клиентах не вспоминала. Правда, ей напоминали, и не один раз! То явится мать одного, то жена другого — умоляют, грозят, ругаются: «Прекрати!» Одна женщина даже в сердцах крикнула, что спалит летнюю кухню Галицкой вместе с самогонным аппаратом. Ссориться с соседями Лидия Анатольевна не хотела, и их сыновьям, мужьям, братьям отказывала наотрез. А другим продавала. Поставляла себя на место жен и матерей, представить, что они по ее милости терпят, как в одиночестве катится под горку чужая, с трудом налаженная жизнь, у нее охоты не было.

Нет, не злой умысел ее двигал, скорее

бездумье. Ну, а что сказать о сердобольной старушке, бесплатно угостившей соседа домашней брагой?

Разнятся статьи Уголовного кодекса, разнится мера ответственности за содеянное, но вина перед людьми, по сути, одинаковая.

Не одни алкоголики, больные, по существу, люди, стучатся в дом, где можно «достать». Наведываются сюда отцы семейств, любящие выпить с полочки, погулять, покуражиться, а потом приняться за нормальную работу и трезвую жизнь. Только беда в том, что гульба затягивается, что слабость, которую себе позволяют, незаметно перерастает в привычку, привычка — в порок и болезнь. Вряд ли кто из пьющих не читал или не слышал об этом, но соблазн — если он под боком! — зачастую оказывается сильнее.

А за то, что «под боком», цену спекулянт может назначить фантастическую — в одном отдаленном лесопункте водку продавали по 100 рублей за бутылку!

Наивно было бы обращаться к совести людей, сделавших делом жизни скупку и продажу спиртного. Да беда в том, что самогонварением, мелкой спекуляцией иной раз занимаются самые обыкновенные и, в общем, неплохие, трудовые женщины.

У А. Г. Казминой из поселка Содоюдор было изъято 35 литров браги: «Хотела расплатиться за привозку дров».

Л. Н. Амосова из поселка Тракт продавала незнакомым лицам две бутылки самогона.

У Л. Дедюк из Ачинского лесопункта обнаружили 10 литров браги: «Хотела угостить мужа».

Обыкновенные деревенские женщины, с обыкновенными заботами о мужьях, детях, хозяйстве... Иные из них хорошо знают, что такое пьющий муж, и как огня боятся, что станет пить сын, чье детство уже искалечено. У иных и нет в доме пьяниц, да на глазах разыгралась трагедия в соседской избе. Не за семью морями эта беда, а близко, рядом... Зная наизусть ее последствия, самогон гнать продолжают, и в дом таких обыкновенных «сердобольных» женщин, хотят того или нет, идут на огонек, просят, требуют, суют деньги...

Стакан, налитый доброй соседкой, ничем не отличается от стакана, купленного у матерой спекулянтки. Он может оказаться последним стаканом, из-за которого разбилась семья или обезумевший человек совершил преступление.

Кого спаивают эти женщины, кого обманывают, на чем экономят? Почему понять не хотят, что бутылка, проданная или одолженная по-соседски, не занка дров или ведро картошки, не дело житейское, а самое настоящее зло. Зло, которое не сегодня, так завтра обернется против них самих — сгоревшим домом, калекой-сыном, осиротевшим внуком...

Татьяна ИВАНОВА
Фото И. КОРНЕЕВА.

Княжпогостский район,
Коми АССР.

70 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

Накануне великого нашего праздника возвращаемся к старым номерам «Крестьянки». Вспоминаем, год за годом, наши труды и наши надежды, и ни от одного прожитого дня не отрекаемся. «Какая музыка была, какая музыка играла, когда и душа и тела война проклятая попрапа» — музыкой казалась мирная жизнь. С 22 июня 1941 года будущее обозначилось одним словом: победа. В военное лихолетье, в тяжелое и бедное послевоенное время на страницах «Крестьянки» часто выступали известные публицисты и писатели: М. Шагинян, В. Василевская, И. Эренбург, Л. Сейфуллина, Г. Николаева. Но нам дороги и свидетельства рядовых участников событий, чьи рассказы сохранились в подшивках журнала.

ТАК ПОБЕДИЛИ

ЧТО ДОРОЖЕ?

Ферма была большая — до 4 тысяч свиней. Помещений не хватало. Один корпус не был достроен. Принялась я со своими рабочими достраивать его: сами настлали полы, сами готовили глину. Потом привлекла жен рабочих: они обмазали нам стены корпуса глиной, побелили их. Разместили мы свиней в новом корпусе, навели порядок. Вдруг приезжают ветврач с директором совхоза и говорят, что на первой и второй фермах много больных поросят. Их надо мне взять на свою ферму и вылечить. Я запротестовала: как это можно, больных поросят да на здоровую ферму?

— Безвыходное положение, — говорит директор. И решили мы взять больных поросят к себе. Здоровым поросётам тоже в те дни туго приходилось: жили они тесно, скученно. Вот-вот могла появиться болезнь. Решила я построить лагерь для выгона поросят. Поехала к директору просить леса, а он в трест уехал на целую неделю. Поехала я в соседний колхоз, выменяла за три поросенка лесу, и за несколько дней мы выстроили в степи отличный лагерь и разгрузили наши помещения.

Возвращается директор из треста. Едет степью и удивляется: было пустое место, и вдруг какой-то городок в степи.

«Что за строительство? Чьи это свиньи?» — спрашивает директор у сторожа. Тот объяс-

няет ему. Директор прямо ко мне. «Кто тебе дал право, — кричит, — поросят растранижить?» Тут и я рассердилась. «А если бы, — говорю, — от скученности эпидемия на ферме началась? Можете отдавать под суд. Там разберут, что для государства дороже: три поросенка или целая ферма!»

П. ПАНЧЕНКО,
депутат Верховного Совета СССР,
Полтавская обл.,
февраль 1941 г.

СКОРЕЕ ВОДА ВЫСОХНЕТ

Трактористы могут идти на фронт: их место у руля займут женщины, колхозные поля не останутся необработанными и невспаханными... При нашей МТС работают 3 женских тракторных отряда — 32 женщины, да еще запасных 10 человек. Плохо, видно, воображают наши враги или уж совсем озверели, что полезли драться с советскими людьми. Скорее вся вода в морях и океанах высохнет, чем сломится сила и крепость советского народа.

Прасковья ЛЕЛЕЦКАЯ,
бригадир женского тракторного отряда,
1942 г.

НАПИШИТЕ МНЕ, АНЮТА!

Удивительное совпадение: 18 мая я был ранен на Юго-Западном фронте, за Изюмом. И 18 мая вы отдали свою кровь, которая

была доставлена в госпиталь под Изюмом и введена мне. Своей кровью вы спасли меня. И мне хочется рассказать вам о себе. В первый раз я был ранен 25 июля 1941 года. По выздоровлении участвовал в разгроме немцев под Москвой, где был ранен во второй раз — в голову. Комиссия признала меня ограниченно годным. Пришлось поработать преподавателем курсов младших лейтенантов. Но перед осенним наступлением я добился назначения в передовые гвардейские ряды. Принял батальон.

Шли бои за Украину. Там, под Харьковом, были все мои близкие. Мне выпало счастье освобождать населенный пункт, где жили жена и родные. Здесь я узнал: за три недели до прихода Красной Армии враги повесили мою жену как партизанку, как члена Коммунистической партии, как жену командира. Из всех родных в живых осталась только дочка моя. Ей полтора годика, она живет у бабушки — матери жены. После этой встречи вы можете представить, с какой ненавистью я истреблял немцев.

Этой весной, будучи в разведке, я был ранен в третий раз двумя разрывными пулями, потерял много крови. Но кровь мне дали вы, Анюта, а кости спешат срастись так же, как я спешу подняться, чтобы снова отправиться на фронт. Напишите, неизвестная, но дорогая мне Анюта!

С чистосердечным горячим гвардейским приветом гвардии старший лейтенант Иван Кондратьевич ЛУКАШЕВ.

ТОЛЬКО В КОЛХОЗЕ...

С трудом оправляясь от ран, нанесенных немцами, село Кочетовка. В Ивневском районе оно больше всех пострадало: одно пепелище осталось от 318 хат. И не надеялись люди, что колхоз быстро сможет встать на ноги: еще шла война, и все понимали, что государство не в силах помочь. Горевала и Е. С. Ермолаева, жена фронтовика, мать нескольких детей: как жить с детьми без крова? Поехала однажды Ермолаева в соседнее село, три дня провела там. Вернулась и видит: на том месте, где ее хата стояла, чужие, незнакомые плотники строят кому-то новую хату. Как же так? Разве можно с семьей фронтовика так обращаться?

А ей отвечают: «Не кому-нибудь, а вам, Евгения Степановна. Плотники присланы из колхоза «Красный пахарь». Прислали их комсомолка Шатилова, председатель колхоза, и счетовод этого колхоза Ямшинская. Они взяли на себя расходы по строительству дома и продукты строителям отпустили из своих личных заработков».

◀ 1950 год.
На поля
под Воронежем
пришла
новая техника.
(Фото слева вверху.)

◀ Первое зерно
урожая
1952 года
на Ставрополье.

Мирные
послевоенные
новости...
(Село Рогачево
Московской обл.) ▼

На новоселье приехали в Кочетовку М. Шатилова и Е. Ямшинская. За праздничным столом М. Шатилова рассказывала: «Мы надумали с Ямшинской помочь кочетовским погорельцам, отчислили вдвоем сто трудодней. Когда об этом узнали наши колхозники, они поддержали нас. Всего в колхозе было собрано шестьсот трудодней. Потом мы решили не только трудодни отчислять, а и организовать строительство».

Жители села Кочетовка,
январь, 1946 г.

БЕЗ НАПОМИНАНИЙ

Мне странно слышать, как в некоторых колхозах бригады по утрам поднимают своих колхозников на работу. В нашей бригаде ка-

ждый знает заранее свое место на севе, на уборке, на молотье и выполняет свое дело без всяких напоминаний. Еще солнце не взошло, а все уже на работе. Народ у нас в бригаде трудолюбивый, и урожаи в нашей бригаде выше, чем у других. В прошлом году наша бригада вышла победительницей в соревновании бригад в колхозе.

Бывает, конечно, и трудно в горячую пору, когда и сев озимых подоспел, и молотье, и скирдование. В этом году старички помогли. Есть у нас колхозные сторожа, пастух и другие. Попросила я их помочь, дала лошадей побольше. Вышли они на поле и заскирдовали все в короткий срок. Мы и другим помогаем. Отставала на уборке четвертая бригада. Вызвала меня председатель колхоза Мария Алексеевна Домакина. «Надо, — говорит, — помочь Чапурину». Пошли мы всей бригадой и за день все связали.

А. Д. АРКУНОВА,
бригадир колхоза
«Заря коммунизма»,
Починковский район,
Горьковская область, 1950 г.

ПИСЬМО ДРУЗЬЯМ

Когда враг захватил Смоленщину и разбомбил нашу деревню, все мы ушли в леса, жили там в землянках и помогали партизанам. Скот колхозники успели эвакуировать еще до прихода гитлеровцев, а хлеб попрятали и кормили партизан. Немцы потребовали, чтобы мы выбрали старосту, который бы выполнял все их поручения. Мы выделили своего человека — комсомольца Леонида Панченко. Замечательный был парень. Все продукты переправлял он партизанам. А сколько оружия и патронов собрал Леонид с комсомольцами для партизан! Захватили его все-таки враги и расстреляли.

Страшные бои против фашистов вели партизаны. Помню кровопролитное сражение в деревне Щелкино. 450 кавалеристов послали немцы на партизан. В боях с врагом был убит мой сынок — двадцати лет ему не было. Уходил — все меня успокаивал...

Как только прогнала немцев наша армия, мы сразу стали отстраиваться. В каждом колхозе выделили строительные бригады. Прежде всего построили дома семьям погибших и военнослужащих. Работать приходилось больше женщинам, мужчины были в армии. Вместо 250 домов, которые сожгли фашисты, мы выстроили 350 новых, открыли медпункт, где работают акушерка и фельдшер. Животноводческие фермы до войны были сделаны из самана, а теперь все деревянные. Льнозавод гитлеровцы сожгли — колхозники восстановили его своими силами. Приступаем мы к постройке большого клуба.

Анна Павловна ЗИМЕНКОВА,
депутат Верховного
Совета РСФСР, председатель
Шупарского сельсовета
Смоленской области,
1951 г.

ПРИСНИЛАСЬ МАМА...

Отца Вани Анохина фашисты повесили в том углу двора, где Ваня привык играть с сестренкой в прятки. Первое время в детдоме Ваня все кричал по ночам: «Уберите! Вон они висят за сараем!» Бабушку и беременную мать Коли Маркова солдаты выгнали из хаты зимой. У матери начались роды. Бабушка посадила ее на санки и повезла в другую деревню. Дорогой на санках и родился Коля. Мать застудилась и через неделю умерла. Колю бабушка выходила. Отца Леночки и Анатолия Лыкиных фашисты сожгли, убили родителей Пети Дюканова, повесили отца Вани Дунайцева. В детдоме находится больше ста воспитанников. Каждому из них война нанесла тяжелые душевные раны. Во время утреннего подъема один из младших воспитанников отказался встать. Он отвернулся к стене и не отвечал на вопросы.

— Почему ты не встал вместе с другими? — спросили его позднее.

Ребенок потупился и тихо отвечал:

— Мне приснилась моя мама. Я хотел еще увидеть ее во сне...

Здесь воспитывается немало детей из одной семьи: братья и сестры, которых заботливо, нередко с большим трудом, разыскали и собрали вместе.

Анна ГЕРМАН,
1952 г.

Анатолий СТРЕЛЯНЫЙ

Мамино сердце

Полдня мать провела у своей подруги Крячихи и, может быть, гостила бы еще, да захотелось скорее передать кому-нибудь то, что уже узнала за эти полдня. Как почти всегда, рассказ ее начинается с общего рассуждения. На сей раз это рассуждение о том, что в каждой семье свое горе, а семей без горя, без какого-нибудь раздора не бывает. Слово «горе» она употребляет очень легко и часто, обозначая им и настоящую беду, и какую-нибудь мелкую шероховатость. То же, между прочим, и со словом «счастье» — его слышишь от нее поминутно, оно, кажется, одно из главных, если не самое главное в ее языке, и что только этим словом не обозначается! Все, что не в горе.

— Вот это я и спать не знаю как сегодня буду, — говорит она, переходя к делу. — Андрей у Крячихи скоро двадцать лет женатый человек, а уходу за ним как не было, так и нет. Не горе разве это для матери? И земля их как-то держит — таких невесток, безруких да бессовестных, как у нее! А ведь их тоже матери не на горе кому-то рожали, а думали — на счастье...

Андрею сорок лет, я знаю его с детства, он врач из тех, кто много зарабатывает, — кандидат, доцент. Жене его Алевтине лет на пять меньше, она тоже врач, детский хирург, тоже доцент и кандидат, вплотную подошла к защите докторской. Я видел ее только один раз, лет десять назад, это было на почте в Правдинке, где она посылала кому-то длинную телеграмму с медицинскими наставлениями. Почтальонка взмокла, пока откричала весь текст по телефону на районный телеграф: что ни слово, то трудное. Алевтина эта была чуть выше среднего роста, в коричневом плащике, туго стянутом в тонкой талии, с той осанкой, которую девушкам обычно придают тяжелые косы. У нее, кстати, была прическа балерины — узелок гладко зачесанных черных волос.

У Крячихи они гостят каждое лето, сейчас с ними ребенок, мальчик трех лет, первый и наверняка последний.

Живут они на родине Алевтины, в большом приморском городе, где и нашел ее учившийся там Андрей. Насчет таких пар в Рябине давно придерживаются той теории, что есть, мол, среди городских девок умные мерзавки, которые специально выбирают себе в мужья сельских. Сельский не избалован, все умеет, на свою городскую бабу он будет смотреть снизу вверх, а ей того и надо, будет возить на нем воду.

Что Андрей и Алевтина представляют собой именно такой случай, мать и убедилась, побывав сегодня у Крячихи. Сама же Крячиха поняла это давным-давно, с первого взгляда на свою тощую сноху, а особенно когда сразу после женитьбы сына съездила к ним в гости. Они жили тогда в маленьком поселке в степном Крыму, в двух комнатных домиках во дворе больницы. Андрей, когда она приехала, был на вызове, в квартире сидела над книжкой укутанная во все платки сноха. «Что ж ты не затопишь?» — всплеснула руками Крячиха. «Андрюша скоро вернется, затопит», — беспечно ответила сноха. Как не разорвалось у Крячихи от этих слов сердце, сказать трудно, а это были только цветочки. Вернулся Андрей — вызвали к больному сноху. И вот он — на глазах у матери! — стал подавать этой барыне пальто, а той и этого мало. «Помоги мне, — говорит, — надеть боты». И он без звука присел у порога и стал надевать ей боты!

— Вот так он себя попустил, так себя перед нею понизил с первого дня. А дошел до того, что горшки стал выносить из-под ребенка, хотя поди там проверь из-под кого.

Это все мать передавала со слов Крячихи, а кое-что видела сегодня сама.

— Бабенка действительно до сих пор худющая, хоть

и рожала. Явилась в таких штанах, в которых порядочная образованная женщина и в хлев корове не покажется. И что ж она наплела в свое оправдание? Она будто бы хотела этими штанами угодить Крячихе! Та всегда недовольна, если сноха ходит в каком-нибудь ситчике и косынке, как не городская. А что штаны вытерты и на коленях, и по швам, и снизу обтерханы, это, мол, ничего, это даже считается хорошо. И такое еще наплела: будто бы эти штаны стоят чуть ли не двести рублей. Ясно и десятилетней девочке, а Крячихе уже, слава богу, восьмой десяток, она поняла сразу: это сказано для того, чтобы не просила с них денег.

Бабенка по поведению вежливая, дала матери пощупать те штаны и на коленях, и снизу, где они подвернуты. Материал, конечно, прочный, но в то, что по городам такие штаны, пусть и новые, надевают даже на выход, поверить невозможно. «Землю в них копают, хаты белят — этому поверю!» — говорила Крячиха.

— В общем, горе Крячихе, горе... А сын требует: молчи, не лезь, не обращай внимания, из себя выходит. Я ее научила. Вот как он снова на тебя гремнет, расскажи ты ему, говорю, про мамин сердце — сказка такая есть, мне ее Михаил Черныш после войны рассказывал. Как-то слышу, говорит он кому-то: «Я накричу да и отойду, у меня мамин сердце». Он тогда председателем был. Я и думаю: что же это значит — мамин сердце? Вот возьми и спроси его под одну добрую минуточку, а он и рассказал. Одна молодая женщина пристала к мужу: зарежь свою мать, а иначе разведусь! Делать нечего, человек он такой же слабохарактерный, как и Андрей у Крячихи, зарезал. А жена не верит, принеси ей в доказательство сердце! Вот вырезал он это сердце, несет его жене в хату, а на пороге споткнулся. А сердце это у него в руках и заговорило: «Ой, осторожно, сынок! Ты не ушибся?» Вот, говорю ей, и ты расскажи своему сыну эту сказку, пусть послушает. А она плачет, остановиться не может. «Не смогу я, — отвечает, — ему это рассказать, слезы не дадут!»

Муж Крячихи, отец Андрея, погиб на войне, старший сын тоже. Она почти такая же хозяйственная, как и моя мать (потому они и подруги), никогда не сидела с Андреем без куска хлеба, растила его строго, в постоянной работе. Приезжает он к ней каждый год, перестроил хату, добывает топливо, посылает деньги. Перебраться к нему в город она, конечно, не хочет: хватит, говорит, один раз попробовала...

Мать до слез жалела Крячиху, я же местами до слез смеялся, а вообще-то от души сочувствовал Алевтине и особенно Андрею.

Слушает другую сторону

Вечером я вышел на угол Широкой встречать корову — туда же с хворостиной и в резиновых сапогах выбрал и Андрей Крячихин, высокий, худой, бледный. Почти весь день сегодня лило, теперь, перед самым заходом, показалось солнце, в воздухе было мягко; издалека, откуда-то чуть ли не с Горodka, слышно было, как скандалили две бабы. Сколько можно было понять, они не поделили мужа.

— Чтоб тебя четыре доски приворожили, как я его приворожила! — кричала одна.

— Чтоб ты не знала, когда свет пройдет, а темь настанет! — не оставалась в долгу другая.

В голосах баб было столько самозабвения и поистине соловоиной правоты, как будто они не бранились, а пели или молились.

— Чтоб тебе добро к рукам не шло, а ноги заплетались!

— Чтоб тебе в голове водило, а в утробе не родило!

Стадо еще не появилось, нигде не было видно и встречающих, мы сегодня вышли первые. Эта наша единенность на широкой, начинающей растворяться в теплом тумане улице, наверное, тронула Андрея.

— Еду сюда, как в рай, а уезжаю, как с каторги! — воскликнул он. — Не дает мне мать жизни, не дает... Были у нее, помню, тут первый раз, студентами, Алька еще считалась невестой, я, собственно, жених... Мать вроде не знает, где нас посадить и чем лучше угостить, так все хорошо, аж страшно. А в ночь перед отъездом вызвала меня из хаты и бух посреди двора на колени: «Не женись на ней!» — и все. «Да почему же?» — «Не знаю, сынок. Не так она на тебя смотрит». — «Подожди-ка, мать. Может, это она на тебя не так глянула?» — «И на меня, сынок, и на меня, ой, не будет тебе жизни!»

Он хрустнул хворостинкой.

— Решила, что жизни не будет, и с тех пор уверена, что

жизни нет. В этот приезд извела нас по поводу головы мальчика: у него, по ее меркам, длинные волосы. Смотрит на мальчонку, смотрит: «Ну, почему все-таки твоя мать так тебя содержит? Жарко ведь!» И это тысячу раз на дню. «Ну, а если бы это была девка,— спрашиваю,— ей что, жарко не было бы?» «Молчи,— говорит,— я с тобой не разговариваю, твоей власти в твоей семье нет». Алька не выдержала, схватила, гляжу, ножницы, стала стричь — и не может. От страха! Скальпель у нее, когда она студентам напоказ грудничковых детей оперирует, не дрожит, а ножницы, гляжу, дрожат!

Из дворов стали выходить люди, переговаривались от калитки к калитке, сходились по двое-трое.

— Вот о чем они говорят? — вытянул Андрей в их сторону свою худую длинную шею. — Выйду иногда за ворота, смотрю на них, думаю. Чем они живут? Сказано: человек стоит того, чего стоят его тревоги...

— Единственная тревога твоей матери — ты. Чего-нибудь стоит такая тревога? — Мне хотелось, чтобы ему стало легче.

— Да. Два раза я плавал вокруг света, ты, наверно, знаешь — судовым врачом. Часто бывало: жара, кругом ничего, кроме воды, выйдешь на палубу и думаешь: в Рябину бы теперь в свою Старую! Хворостину в руки — и на угол Широкой, встречать корову... А потом как вспомнишь — ну, вот про эту самую единственную тревогу матери — и не хочется, но очень хочется... Сначала я шутил, отмахивался. Почему это Алька, говорю, должна мне стирать? Я ведь ей не стираю. Нам обоим рабочий класс стирает в прачечной, а мы его за это лечим. Или почему это я не могу вынести горшок своего ребенка? Из-за чего ты, увидев это, бежишь в хлев и рыдаешь там, уткнувшись в ясли? Потом стало не до шуток... Я не могу сказать Альке: при матери будь такой, как матери надо, не допускай, чтобы она наливала мне борщ, сама хватай миску и половник! Это бесполезно. Алька схватит, но будет еще хуже: борщ разольет, а мясо на подол себе уронит.

Он недоверчиво на меня посмотрел, поморщился.

— Да не барыня она! И не дура она, которая из принципа не хочет подыграть старой сельской женщине. Она просто неумеха, бывают же такие. Мать как-то под села к ней, заглядывает в лицо: «Скажи все-таки, доченька: ну вот сколько у вас на книжке?» — «Точно не помню, Прасковья Николаевна». Несчастная Прасковья Николаевна потом волосы на себе передо мной рвала: «Лучше бы она в меня плюнула. Как это она не помнит?! Смеется надо мной». — «Мать, а ведь я тоже не помню», — говорю я, обмирая, и сделал еще хуже. «Ты во всем ее поддерживаешь, она брешет — и ты брешешь!»

От его хворостины почти ничего не осталось.

— Больше всего мать не может простить Альке, что я худой. Культ еды! Человек должен быть справный. В этом его красота, в этом его достоинство, в этом, если он человек настоящий, цель его жизни — и цель жизни его матери, и цель жизни его жены, если она, конечно, не сучка. Ну вот, мать считает, что жена меня плохо кормит. Что Алька меня совсем не кормит — такого злодейства мать, слава богу, не допускает,

а то в петлю полезла бы. Как-то говорю ей: «Ну, что ты хочешь, чтоб я сделал? Развелся? Но мне с ней хорошо, мне не нужна другая. Стало быть, за волосы таскать? Так нет у меня на нее зла, не за что, считаю, ее бить. Мне хорошо — зачем же ты меня грызешь?» — «Я хочу, чтоб она за тобой ухаживала, как положено жене в России и на Украине». — «Но я не хочу, я! Мне это не нужно, мы с нею и так ладим, понимаешь?» — «Какой это лад, если жена не ухаживает за мужем?» — «Однажды так довела, что у меня кровь носом пошла, головой о стену бился. Лежу потом и спрашиваю: «Ты хочешь мне добра?» — «Хочу, сынок» — «Зачем же делаешь мне зло?» — «Каждая мать жалеет свое дите». — «Почему же ты меня не жалеешь?!» Стена!

Пригнав корову, я сдал ее на руки Марусе, а сам, не откладывая, пошел в огород к матери, где она никак не могла закончить свой рабочий день.

— Ты слышала одну сторону, а теперь — через меня — слушай-ка другую! — И стал рассказывать ей про встречу с Андреем.

Выслушав, она сказала со смешком:

— Все мы одинаковые. Для нас те зубы хорошие, что кисель едят, — и еще раз тихонько засмеялась. — Ты мне рассказываешь, а я анекдот вспомнила. Съездила, значит, одна мать в гости к женатому сыну, вернулась и рассказывает: такая-сякая сноха, за сыном плохо ухаживает! Поехала потом к замужней дочке... Вернулась — теперь зять такой-сякой, дочку ее на руках не носит!

Из книги «В гостях у матери».

Рис. Е. ФЛЁРОВОЙ.

- Труд личный — польза общая.
- «Вы поужинали? С вас 15 рублей!»
- «Протопи ты мне баньку, хозяйюшка...»
- Легко ли стать предпринимателем.

«Мужжики сомневу»

Если в сельский магазин или универсам в райцентре зайдет покупатель и спросит, есть ли в продаже дубленки, продавцы онемеют от удивления. А если он поинтересуется наличием цигейковых шубок для детей, шапок и варежек из такого же материала, то всем, кто услышит его вопросы, станет ясно: человек этот с луны свалился.

И пусть неподалеку от сельского магазина пасется многотысячная отара овец, пусть продавцы универмага держат в личном подсобном хозяйстве барана и двух-трех ярочек, все равно: не наш человек. Наш такого не спросит...

А вот в городе Аргун, в селах и аулах Аргунского района Чечено-Ингушской АССР покупатели без риска прослыть инопланетянами спрашивают дубленки, цигейковые шубки, комплекты меховой одежды для детей, безрукавки, рукавицы. Примеряют и покупают. Дубленку — за 350—420 рублей, детский комплект (шубка, шапка, варежки) — за 120—140, цигейковую шапку модного фасона — за 20—25, меховые рукавицы — за 10, меховые стельки — за 3 рубля.

Такой товар не каждый день бывает, но бывает. И фраза продавца: «Зайдите через неделю» — не отговорка, а точная информация, именно через неделю кооператив «Зима» при-

шлет в магазин новую партию меховых изделий.

Кооператив создан недавно — 15 мая этого года. Его возглавляет предприимчивый и энергичный человек, химик-технолог по выделке кожи и меха Асланбек Асланович Куркиев, в недавнем прошлом мастер-технолог мехового цеха районного производственного управления (РПУ) бытового обслуживания населения с окладом 105 рублей. Трех своих товарищей, ставших членами кооператива, Куркиев обучил выделке овчины, а восьмерых женщин-домохозяек, с которыми кооператив заключил договор, — кройке и шитью.

В выгоде оказались все причастные к делу. Считаем. РПУ, при котором действует кооператив «Зима», засчитывает продукцию себе в план — раз. Предприятия торговли увеличивают товарооборот — два. Население без мороки и волокиты сдает в кооператив шкуры за наличный расчет (или заказывает из своего материала необходимые изделия, те же дубленки, к примеру) — три. Промышленные предприятия района, где есть подсобные хозяйства с содержанием овец, заключили с «Зимой» договоры на сдачу шкур и получают дополнительный доход — четыре. Заработок А. Куркиева и трех его товарищей достиг в первые три месяца работы 350—400 рублей,

а женщины-домохозяйки, работающие сдельно, по 4—5 часов в день, получают 180—200 рублей в месяц — это пять. И, наконец, в выгоде покупатель, наш человек.

Неужели так все просто — взяли да и создали кооператив, начали шить нужные и полезные изделия, хорошо зарабатывать? — спросит привыкший к разного рода сложностям и проблемам читатель. Неужели все гладко прошло — с приобретением оборудования, арендой помещения, с получением кредита? Что-то не верится!

Читатель будет, к сожалению, прав в своем недоверии — все, о чем я рассказал, далось с огромным трудом четырем энтузиастам. Впрочем, подходит ли здесь привычное слово «энтузиасты»? Не точнее ли будет назвать основателей кооператива «предпринимателями»? Слово режет ухо, верно? Вроде как не из нашего лексикона. Но к нему, к слову, и к тому, что стоит за ним — к предпринимательской деятельности, — надо привыкать. Без предприимчивости, организаторских способностей, пробивной силы, точного экономического расчета и даже без риска Асланбеку Куркиеву и его товарищам было не обойтись. И без большой ежедневной физической нагрузки — тоже.

...Своими силами члены кооператива капитально отремонтиро-

вали помещение. Сложными, хотя и вполне законными путями достали и привели в исправное состояние оборудование. Кредиты в банке не столько получали, сколько выбивали, прорываясь сквозь толщу противоречивых инструкций. Самого же большого расхода сил требовало преодоление недоверия к новому, психологическая блокада, в которой оказался кооператив. Не скрою, потребовалось вмешательство «Крестьянки» для разрушения «барьеров сомнения», преграждавших путь новому делу.

Пишу это потому, что уже не раз и не два встречался с людьми, чья предприимчивость разбилась о «барьеры сомнения», воздвигаемые иной раз в коридорах и кабинетах райисполкомов, сельсоветов, банков, райпо и РАПО.

«Барьеры сомнения» возникают, а это уже совсем тревожно, и внутри только что созданных кооперативов. Не получая поддержки, они распадаются, так и не начав своей деятельности, — таких примеров уже немало в нашей почте.

Есть препятствия и другого рода. Вот строки из письма семьи Хатуевых из г. Грозного:

«Мы читали в газете и видели по телевидению репортажи из кооперативного кафе «Кропоткинская, 36» в Москве. У нас в республике, в основном в горо-

дах, тоже открываются подобные заведения. Но если, как и в Москве, за обед или ужин (без алкогольных напитков) человек должен заплатить 15 рублей, то спрашивается, на кого они рассчитаны? Деньги от одной избыточно обеспеченной части населения перейдут к другой, которая тоже станет избыточно обеспеченной. Так какая же выгода всем остальным, нашей семье, например, где четверо детей и доход на каждого не превышает 50 рублей? Какая выгода государству? Только в виде налога? Но социальную справедливость (один заходит в кафе поужинать, а другой идет мимо) никакой налог не окупит!»

Согласитесь, что ответить авторам не так-то просто.

Я показал это письмо руководителям Шалимского района Чечено-Ингушской АССР, попросил поделиться соображениями.

Интересные мысли на этот счет высказал председатель Шалимского райпо Ваха Абубакарович Дацаев.

— Цены в кооперативных кафе высоки потому, — считает он, — что таких кафе пока мало, им не нужно бояться конкуренции, «сражаться» за каждого посетителя — и так валом валят. Будет таких кафе побольше — цены не повышать, снижать начнут. И еще. Сейчас почти все продукты приобретаются на рынке, а это, конечно, дорого. Мы решили сделать по-другому.

В селе Сержень-Юрт, в живописном месте, на берегу реки Белка есть кафе «Шовда» — «Родник». Там работало 5 человек. Качество блюд было низким, местные жители обходили его стороной, да и приезжие не баловали вниманием.

Решили часть помещения отдать в аренду кооперативу из

трех человек. Один из них бывший повар высокой квалификации. Готовит прекрасно, особенно плов и шашлык, но из чего? Рис можно покупать в государственных магазинах, а баранину, зелень, овощи где брать? На рынке? Тогда и за 15 рублей не пообедаешь!

Решили действовать по принципу самообеспечения — завести овец, огород, теплицы. По расчетам получается, что блюда будут в 4—5 раз дешевле. Дальше. Кафе стоит у дороги, летом много отдыхающих на машинах. Решили построить летний дом — мотель, выдавать напрокат палатки. Хочешь задержаться на 2—3 дня — пожалуйста, живи. Торопись — за 15 минут накормят и с собой дадут пакет с пловом, зеленью, овощами. Если дело пойдет, то через год-два здесь будет база отдыха. Если в кармане не густо — не беда. Поработай немного на свежем воздухе: убери строительный мусор, покоси траву, прополи грядки, помоги на кухне — и получи наличными. Вот и социальная справедливость, если уж на то пошло. Думаю, что и в российских селах такой опыт пригодится, как вы считаете?

Считаю, что в живописных местах Подмосковья, Верхневолжья, на Смоленщине и Псковщине, на Урале и во множестве других районов есть все возможности для создания простейших, дешевых, удобных баз и пансионатов для отдыха. Там нужны предприниматели, которые превратили бы пустующие дома в деревнях, а то и целые деревни в прекрасные, тихие и уютные зоны отдыха — ночлег, недорогое питание, элементарные удобства, а остальное сделают лес, река, солнце и воздух. И будет наконец хоть частично решена проблема семейного отдыха. Но только вот где вы, сельские предприниматели? Что-то не видно вас. Такое дело, кстати сказать, для женщин очень подходит. Но среди кооператоров женщин на удивление мало. Хлопот бояться или уж очень неприличным делом кажется — оборудовать часть своего дома, брошенные соседские дома спальными принадлежностями в нужном количестве, кухонной и сто-

ловой утварью — и помещай в газете объявления: приезжайте отдохнуть, баню истопим, накормим, спать уложим, грибные и ягодные места покажем — возьмем недорого! А если труда деревенского не боитесь, то берите отпуск в пору сенокоса. 60 рублей за тонну сена платят нынче...

Но нет пока таких объявлений. А жаль. Как видит читатель, рассказ мой, по крайней мере в последней его части, носит в определенной степени агитационный, «затравочный» характер. Но агитировать лучше всего на фактах, а факты о деятельности кооперативов известны пока широкому читателю лишь в общем виде. Буду предельно конкретен и познакомлю с расчетом рентабельности кооператива из 5 человек, который занимается в уже упоминавшемся Аргунском районе выпечкой очень вкусных лепешек. Он так и называется «Хьокхум» — «Лепешка».

Два пекаря — Тута Цидаев, он же председатель, и Хамзат Атуев. Роза Исмаилова, Езира Тесерчиева и Зина Арсаева готовят тесто. Все многодетные, работают неполный рабочий день.

Вот что получилось за семь месяцев существования кооператива.

Произведено готовой продукции (лепешек) 109 200 кг.

Сумма реализации — 56 784 руб. (по цене от 45 до 57 коп. за кг. в зависимости от качества муки).

Расходы:

1. Мука — 84 тонны. Стоимость — 40 320 руб.
2. Заработная плата 5 работников — 5250 руб. (в месяц — 150 руб.)
3. Соцстрах, 7% — 371 руб.
4. Электроэнергия — 1631 руб.
5. Транспортные расходы — 70 руб.
6. Амортизационные отчисления за оборудование — 588 руб.
7. Госстрах (здание, оборудование, инвентарь, остатки сырья и материалов) — 350 руб.
8. Коммунальные услуги — 21 руб.

Итого затрат: 49 420 руб.
Прибыль: 56 784 — 49 420 = 7364 руб.

Отчисление, 3% — 221 руб.
Процент рентабельности —

$$\frac{7143 \times 100}{56784} = 12,6\%$$

Стало быть, чистого дохода на пять человек получено 7 тысяч 143 рубля. Все или часть, как решит собрание, может быть распределено в конце года между членами кооператива или оставлено про запас — на расширение производства, улучшение усло-

аютяся»

**ПЕРЕЧЕНЬ УСЛУГ
ОКАЗЫВАЕМЫХ
НАСЕЛЕНИЮ**

1. ИЗГОТОВЛЕНИЕ МУЖСКОЙ, ЖЕНСКОЙ ОБУВИ ПО ЗАКАЗАМ.
2. РЕМОНТ ОБУВИ.
3. ИСПОШИВ ОДЕЖДЫ.
4. РЕМОНТ И ОБНОВЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ.
5. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ТРИКОТАЖНЫХ ИЗДЕЛИЙ.
6. РЕМОНТ ТРИКОТАЖНЫХ ИЗДЕЛИЙ.
7. РЕМОНТ БЫТОВОЙ ТЕКСТИЛИИ.
8. РЕМОНТ РАДИОТЕЛЕАППАРАТУРЫ.
9. ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РЕМОНТ МЕБЕЛИ.
10. НИМЧИСТКА И КРАШЕНИЕ ОДЕЖДЫ.
11. УСЛУГИ ФОТОГРАФИИ.
12. ПАРИКМАКЕРСКИЕ УСЛУГИ.
13. ИЗГОТОВЛЕНИЕ МЕТАЛЛОИЗДЕЛИЙ.
14. УСЛУГИ ПРОКАТА.
15. РИТУАЛЬНЫЕ УСЛУГИ.
16. РЕМОНТ ЧАСОВ.
17. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УСЛУГИ (РАСЧЕТ ШЕРСТИ).

Почему?

КОНКУРС ДОБРЫХ ДЕЛ

вий труда, на паевые взносы в строительство жилья для нуждающихся в нем, на организацию отдыха.

Ну как, есть смысл?

Теперь еще одна информация к размышлению. Информация получена в Сычевском районе Смоленской области.

Здесь пока зарегистрирован и готовится приступить к работе один кооператив в сфере общественного питания — «Кавказская кухня». Предпринимателями оказались люди приезжие, своих не нашлось.

«Почему?» — настойчиво спрашивал я.

Ответ звучал в двух вариантах.

Смысл первого можно выразить издревле традиционным выражением: «Мужики сомневаются». В чем? Да во всем... А в чем конкретно? Да как бы чего не вышло. Занимались кое-чем, ну, печи клали, дрова пилили-кололи, бани рубили, бондарничали. А тут закон: нетрудовые доходы! Бросили это дело: опасно. Вскоре другой закон: об индивидуальной трудовой деятельности. Вроде опять можно тем же заниматься, только патент надо брать, налог платить. Непривычно как-то, да и неясностей много. Документов, где все разъяснено, не достанешь, вот и...

Смысл второго варианта ответа был еще туманнее. Отвечали так: а зачем? В районе 17 тысяч жителей, из них 7 тысяч пенсионного возраста. Деньги у людей есть — 23 миллиона на вкладах лежат без движения. Так к чему лишние-то? Вообще-то можно бы кое-чем заняться, но смотрите, сколько видов услуг оказывает населению наш бытовой комбинат! Какие еще нужны услуги?

Посмотрел — перечень услуг висит прямо на улице. Попросил фотокорреспондента запечатлеть. Прошу и вас, уважаемые читатели, посмотреть и подумать над такими вопросами:

Какие виды нужных людям услуг могли бы оказывать не только штатные работники быткомбинатов, а кооперативы или люди, желающие заниматься индивидуальной трудовой деятельностью?

Какие еще новые услуги и удобства можно предложить населению вашего района, села, деревни, если проявить предприимчивость на пользу себе и людям?

Что вызывает опасения, мешает взяться за новое дело?

А если уже пытались, да не вышло — кто (или что) помешал, затормозил дело?

Тогда и продолжим разговор.

Валентин СЕРГЕЕВ
Фото И. ЯКОВЛЕВА.

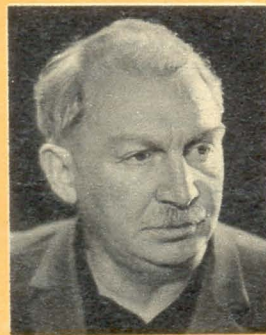
По многим селам, как горячее солнце, уже прокатилась жатва. Это всегда экзамен, на котором не бывает легких билетов. А может, кто-то нашел нестандартный ответ? Да такой, что самый строгий «профессор» — Урожай — поставил в зачетку «отлично»? Столько людей сейчас думают над новыми формами организации труда и находят их. Далеко ходить не надо: бригадный подряд, например, семейные звенья — ведь они первоначально зародились на местах, придуманы вами и уже потом подхвачены наукой, которая оценила находку, обобщила опыт, разработала рекомендации для всех.

На работе, дома, в клубе, в колхозной или совхозной столовой, в детском саду, в школе, на автобусной станции... Да мало ли где нужны умелые руки, ум, воля, свежий взгляд на привычное. А что если вам в голову пришло такое, что другим еще не приходило? Как же не поделиться с читателями «Крестьянки»? Тем более если идея с вашей помощью уже воплощена в жизнь. Это и будет копилка мудрости, из которой чем больше черпаете, тем она полнее.

А если что-то не заладилось, давайте вместе подумаем, как выйти из трудного положения...

Пусть это будет рассказ о самой горячей неделе вашего лета. Пусть будет своеобразный конкурс добрых дел. Такой же конкурс проведет на своих страницах и подруга «Крестьянки» — польский журнал «Пшиячулка». Результатами обменяемся.

Ждем ваших писем! А на конвертах обязательно укажите: КДД, «КРЕСТЬЯНКА»

БОРИС
СЛУЦКИЙ

Ровно тридцать лет назад вышел в свет первый сборник стихов поэта фронтового поколения Бориса Слуцкого. И сразу вызвал многочисленные отклики, жаркие споры. К 70-м годам споры о поэзии Слуцкого поутихли... Мне было восемнадцать. Я жил в Ижевске. Учился в институте. На каникулы приехал в Москву, что называется, себя показать и других посмотреть — и оказался на семинаре, который Борис Слуцкий вел при МГК ВЛКСМ. Вид его меня поразил и почти напугал. Суровое, значительное лицо, манера вгонять слова в предложение, как пули в десятку. Слуцкий сказал: «Кто тут Хлебников, выходите. Читайте, только громко и членораздельно!» Я начал. Боковым зрением видел, что кончики седых внушительных усов Слуцкого то поднимаются, то опускаются — понял, что это имеет какое-то отношение к оценке стихов. Когда вниз — не нравится, когда вверх — ничего, терпимо. Или наоборот?..

А потом я вдруг почувствовал, что у меня есть Учитель. Причем очень добросовестный: Слуцкий буквально начал отдавать мне приказы (как не случайно здесь слово — «отдавать!») — прочитать то-то, послать стихи туда-то... Степень участия Слуцкого во мне была определена его словами: «Пишите или звоните из Ижевска каждый месяц и сообщайте о своих делах». И я стал звонить каждый месяц, совершенно не подозревая, какой тяжелый период переживал тогда этот внешне непрístupный человек. Узнал потом: в это самое время у Слуцкого умирала жена, единственный близкий человек. До сих пор не понимаю, как он находил время и силы на меня. А ведь я был не один такой «воспитуемый».

В прошлом году наша литература понесла тяжелую утрату — Слуцкого не стало. Молодые поэты лишились строгого и справедливого «дядьки», читавшего все, что печаталось, и говорившего свое мнение о прочитанном, помогавшего и делами, и деньгами тем, кто в этом нуждался. Наверно, я был последним — но далеко не первым! — кому он помог. Его невиданных размеров почтовый ящик, сделанный по специальному заказу с тем, чтобы мог вместить в себя мешок рукописей, больше никогда не будет заполнен и на треть: за дверью, на которой висит этот ящик, теперь живут другие люди... Как остро чувство неотданного долга! У настоящих поэтов есть жизнь и после смерти. В блокнотах Слуцкого осталось невероятное количество — особенно для широко печатающегося поэта — никому не известных стихов, причем завершенных и существенных для его творчества. Стихи эти — завещание поэта. Они настолько созвучны тем изменениям, которые происходят сейчас в нашем обществе, что кажутся написанными сегодня.

Поэзия Слуцкого призывает нас самих разобраться в собственной жизни, истории, «помочь» времени в его неуклонном движении к лучшему.

Одна из последних прижизненных публикаций Бориса Слуцкого была в «Крестьянке» два года назад. Сейчас перед вами — новая подборка его стихотворений. Все они публикуются впервые.

Олег ХЛЕБНИКОВ

Время все уладит

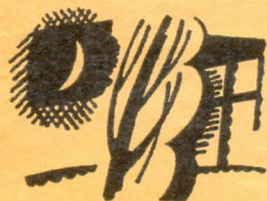
Ссылки получают имя ссыльных.
Книги издаются без поправок.
В общем, я не верю в право сильных.
Верю в силу правых.

Восстанавливается справедливость,
как промышленность, то есть не скоро.
Все-таки, хотя и не без спора,
восстанавливается — справедливость.

Восстанавливается! Если остановится
восстанавливаться, это ненадолго.
Постепенно все опять становится
на стезю прогресса, чести, долга.

Все долги двадцатого столетия
двадцать первое заплатит.
Многолетье скрутит лихолетье.
Время — все уладит.

Надо с ним, как Пушкин с ящиками —
добрым словом, а не кулаками,
и оно поймет, уразумет
тех, кто объясниться с ним сумеет.

С переписи

В городке, где нету стариков —
все они убиты молодыми, —
с пачкою переписных листов,
в городке, где все, как на ладони,

я ходил, в квартиры заходил,
в окна, в двери вежливо стучался,
молодостью юных восхищался,
стариков нигде не находил.

Щуровцы¹ не стали уклоняться
от величий ратного труда.
Всех —

с пятидесяти до восемнадцати —
увезли большие города.

Возраст юности и возраст зрелости —
наши люди на подъем легки —
шилком брились, дымом грелись.
Вот и не дожили — старики.

Трое раненых, но при одном убитом —
странные пропорции войны
на четыре года стали бытом,
были в судьбы определены.

Вот и нету вовсе стариков.
Важные костлявые старухи
одиоко обсуждают слухи:
что к чему и кто каков.

Без отцов повзросли сыны,
поднялись среди труда и быта.
Старики же не пришли с войны.
Молодыми все они убиты.

* * *

Не воду в ступе толку,
а перевожу в строку,
как пишется старику,
как дышится старику

и как старику неможется,
и вовсе нельзя помочь,
и как у него итожится
вся жизнь в любую ночь.

Я это в книжках читал,
я это в фильмах глядел,
но я отнюдь не считал,
что это и мой удел.

Оказывается, и мой!
И, мыкая эту беду,
я, словно к себе домой,
в обычную старость бреду.

Как правильно я поступал,
когда еще молодым
я место в метро уступал
морщинистым и седым.

Моментальное фотографирование

— Разрешите шелкнуть? — Разрешаю.
Все же — вечность, хоть и небольшая.
Все же — хоть и на бумаге — прочность.
Так что разрешаю шелкнуть.

Опершись моменту на плечо,
мы о вечности пророчим.

Эту вечность,
как и доблесть, впрочем,
надо проявить еще.

* * *

Мир, какой он должен быть,
никогда не может быть.
Мир такой, какой он есть,
как ни повернете — есть.

Есть он — с небом и землей.
Есть он — с прахом и золой,
с жаждущим прежде всего
преобразовать его.

Фанатичным добряком,
или желчным стариком,
или молодым врачом,
или дерзким скрипачом,

чья мечта всегда была:
скатерть сдернуть со стола.
Эх! Была не была —
сдернуть скатерть со стола.

Ночной таксист

Я ночной таксист. По любому
знаку, крику

я торможу,
открываю дверцу любому
и любого я отвожу.

Я обслуживаю стихами,
как таксист — такси,
всех подряд,
а расплачиваются — пустяками,
очень скупо благодарят.

Я ночной таксист. Среди ночи,
пополудночи
в мрак и тьму
тормозну на крик что есть мочи
и открою дверцу ему.

Кто он, этот читатель ночной,
для чего я ему понадобился,
может быть, он просто полакомился
занимательной строчкой одной?

Может быть, того не планируя,
я своею глухою лирою
дал ответ на глухой вопрос,
до которого он дорос?

Я ночной таксист. За спиной
пассажир словоохотливый,
видный в зеркало очень отчетливо,
поболтать он хочет со мной.

Публикация Ю. БОЛДЫРЕВА

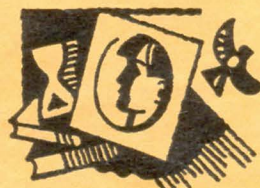

Рис. Н. САВЕЛЬЕВОЙ.

¹ Щурово — город в Подмосковье.

БЕЗ ПАРАНОДЖИ

Послесловие к семейной драме

«Мама, если вам будет трудно, продайте эти сережки...» Рузигуль вынула из ушей сережки, положила рядом с запиской. Высоко подбрав, заколола волосы. Оглядела комнату. С портрета на стене строго смотрела она сама — семнадцатилетняя, пухлогубая, не знающая, что случится с ней через десять лет и несколько минут.

Рузигуль вышла в кухню, плеснула в кружку солярки и вылила ее на платье, наблюдая, как коричневатая густая жидкость впитывается в ткань. Чиркнула спичкой и дождалась, пока она догорит. Зажгла еще одну. Жить — не жить... Жить — не жить... У ног уже была горка обгоревших спичек. Жить — не жить... Жить... В коробке оставалась последняя. Рузигуль зажгла ее и бросила на себя. Охваченная пламенем, она выскочила из кухни и заметалась по двору. Прибравшие на крики мать, жена брата и соседка схватили ее, сбили огонь, быстро повезли в больницу.

...Из мучительной боли и забытья выплывало темное, в морщинах и слезах материнское лицо: «Зачем ты это сделала, дочка?» И другие лица возникали. Люди скорбно качали головами, вытирали слезы. Они ее жалели. Но сама она за эти двадцать пять дней в больнице ни разу себя не пожалела. Душа болела от обиды сильнее, чем обожженное тело.

«Мамочка, простите меня. Не отдавайте детей Базарбай. Если мне не нашлось места в их доме, то и им там места не будет».

Это была ее последняя просьба.

Базарбай и Рузигуль поженились по любви. Они были одноклассниками, жили по соседству, их родители даже приходились дальней родней друг другу. Базарбай привел молодую жену в дом. Семья у него большая — отец, мать, шестеро братьев,

четверо сестер. И все, кроме старшей сестры, жили вместе. Рузигуль — младшая невестка. А это значит, что у нее больше всех работы и меньше всех прав. Точнее, прав не было никаких. Она вставала первой в доме, поливала и подметала двор, готовила утренний чай, потом обед, следила за детьми. Всем подай, всем послужи, беспрекословно выполни любое приказание, выслушай любое замечание. И ни одного самостоятельного шага. Ни одного поступка без позволения свекрови. Рузигуль старалась быть терпеливой и безропотной, но это ей не всегда удавалось. И тогда она ловила на себе косые взгляды.

Шло время, подрастала дочка, вернулся из армии Базарбай. Молодые переехали из совхоза «Ленинград» в райцентр, в Заамин — это несколько километров от их кишлака Кудукча. У них родилась вторая девочка. И вдруг беда: Базарбай совершил аварию и был осужден. Рузигуль с детьми вернулась в кишлак, к родителям мужа. Девочки и она сама нуждались в одежде, но у Рузигуль копейки своей не было. И тогда она сделала то, что однажды уже пыталась сделать, — устроилась на работу, санитаркой в районную больницу.

Ее поступок вызвал гнев свекрови, свекра и старшего брата Базарбая — Заира: «Работающая невестка нам не нужна! Позор!» Семейство негодовало. Кто дал ей право решать? Как смела Рузигуль пойти на работу, да еще без их ведома, не спросив разрешения?

Через три дня неожиданно приехал Базарбай. Во дворе собрались отец и братья, вели долгий разговор. Вечером Базарбай пошел умываться и попросил Рузигуль полить ему. Смотрел на нее пристально: «Последний раз ты поливаешь мне воду, придется ли еще когда-нибудь это делать?»

«Что такое вы говорите?» — засмеялась Рузигуль. Но сердце оцепенело в тревоге. А на утро Базарбай сказал ей: «Если хочешь работать, забирай вещи, иди к своим, там живи и работай». Рузигуль растерялась: «Я ваша жена. Мой дом здесь». Но не те слова оказались самыми страшными. «Талак, талак, талак», — произнес в то утро Базарбай, и это означало, что отныне Рузигуль ему не жена. Кроме официальных брачных уз, они были соединены мусульманским свадебным обрядом «никох», совершенным муллой.

Базарбай уехал так же стремительно, как и появился. А его родные послали за родственниками бывшей невестки: «Заберите свою дочь, наш сын дал ей развод». Делать было нечего. Мать и дядя Рузигуль погрузили ее вещи на тележку, и она вместе с девочками вернулась к родителям.

Когда шок от случившегося прошел, Рузигуль поехала к мужу. Просила его одуматься, ведь у них двое детей, они любят друг друга. Как же можно все это разрушать? Во имя чего? И в чем ее вина? А в ответ услышала: «Ты бесчестная, твой путь порочный».

За что он оскорбил ее, мучилась Рузигуль. Почему думает, что, поступив на работу, она перестала быть его верной женой? Разве забыл, как она ждала его из армии и потом, когда он долго лежал в больнице в Ташкенте? И этот год, когда он был в колонии? Нет, ее не в чем упрекнуть...

Стучась во все двери, Рузигуль надеялась, что кому-то удастся образумить родных мужа, а уже они повлияют на Базарбая. И главной ее надеждой был Заир Ярлакабов — не только старший брат, но и бывший работник Зааминского райкома партии, в то время секретарь парторганизации совхоза «Ленинград». Вот кто должен

понять ее стремление работать, делать полезное, доброе дело. Вот кому под силу произнести вразумляющие слова, и тогда все встанет на свои места, истово верила Рузигуль.

Но слово не было сказано. Вернее, были сказаны другие слова: «Братишка не будет с нею жить. А если помирится — мне не нужен такой брат».

Когда Рузигуль встретилась с Базарбаем в последний раз, она поняла, что уже ничего нельзя изменить. В ответ на свою мольбу опять услышала оскорбления.

Домой шла на ватных ногах. Вот, значит, чем все кончилось. После всех надежд и ожиданий — клеймо неверной жены, позор среди односельчан, дети, которым расти без отца. Как стерпеть такое? Где же выход? Нет его, нет...

— Мама, ты виделась с папой? — выскочила ей навстречу радостная Мехринисо. А младшая, Рано, услышав это, захныкала: «Хочу к папе».

Ну все, хватит, решила Рузигуль. И на следующий день сделала то, что задумала.

...Трагическое событие, произошедшее в совхозе, обсуждалось на сходе, на собрании женщин в кишлаках. Речь шла о серьезных вещах: о мужестве в жизненных испытаниях, о долге матери перед детьми. Но жаль, что разговор не пошел глубже — понастоящему не были осмыслены причины, толкнувшие Рузигуль на отчаянный шаг, поведение всех участников этой истории, меры наказания братьев Ярлакабовых (Базарбай осужден за доведение жены до самоубийства, Заиру объявлен строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку, он освобожден от должности секретаря парткома).

Разве только в порицании нуждался поступок Рузигуль? Это ли был не повод каждому о собственной судьбе задуматься, в душу себе заглянуть, спросить себя и людей: что же неладо в нашей жизни, в нас самих, если случается такое?

Почему сегодня мы возвращаемся к событиям в кишлаке Кудукча?

Тяжело об этом говорить, но такова реальная ситуация: Рузигуль Ярлакабова не единственная узбекская женщина, которая покончила с собой, оказавшись в трудных жизненных обстоятельствах. Чаще всего трагедии происходят из-за семейных конфликтов с мужем и его родными. Но только ли в «личных» причинах дело? Каждый такой факт, вызывающий боль, протест, мучительные раздумья — как, почему, в наше время? — это горький отзвук недавнего прошлого.

На протяжении многих лет в Узбекистане складывалась крайне нездоровая обстановка. Приписки, хищения, взяточничество, кумовство подрывали не только экономическую республику. Тревожные изменения происходили в нравственной, духовной атмосфере. У зла и бесчестия, у жестокости и чванства нет ограниченной сферы влияния: как рак, поражают они все стороны жизни. Ложь и несправедливость отравляли души.

Мерилом человеческих достоинств становились материальный достаток, должность, власть. Личность оценивалась не по деловым и душевным качествам, а по родовым связям: кто кому кум, брат, сват. Все решало родство. «Простой» человек был неважен, неинтересен, его мнение, мысли и чувства, убеждения и душевные переживания, проблемы и бытовые нужды мало кого волновали.

Застой — не время, а безвременье. И не статика характерна для него, а движение назад, «откатывание в прошлое». В быту это означало возрождение патриархально-

го семейного уклада. Феодално-байские пережитки стали отождествляться с незыблемыми устоями семейной жизни. Это был благоприятный период для утверждения в умах догм шариата, прячущихся за святые слова «национальное самосознание», «народность», «традиции отцов». Не осуждалось пренебрежительное отношение к женщине. Ведь по всем шариатским догмам женщина — существо второго сорта, превосходство мужчины утверждается над нею полностью. Ее удел — дом, муж, семья. Вот чему она должна служить, в этом ее единственное предназначение, оправдание жизни. Ей остается только одно: ждать, когда из статуса жены она перейдет в статус матери взрослого сына, станет свекровью. Это будет время ее реванша за все прошлые унижения, ибо есть время терпеть и есть время быть властной. И тогда уже пусть невестка пройдет тот путь, который прошла она. А пока ее слово не стало законом, она склоняет голову и молчит.

Рузигуль Ярлакабова вступила во взрослую жизнь, воспитанная в этих убеждениях. И хоть пробудилось в душе ее желание утвердиться, отстоять себя, сил на это не хватило. Развод с мужем — тяжелое испытание для каждой женщины — стал для Рузигуль крушением, сломал ее. Лишиться мужа значило лишиться смысла своего существования. Ведь никто никогда не говорил ей о самостоятельной ценности ее собственной жизни, ее личности, ее судьбы. И разве только ей одной?

В семьях по-байски вели себя и многие образованные мужчины, те, что при руководящих должностях, с партийным стажем. Слова о равноправии женщин оставались витать над трибунами и никакого отношения не имели к жизни тех, кто их произносил, как только они переступали порог собственного дома. Двойная мораль разъедала общество. Взять того же Заира Ярлакабова. Коммунист, он принимал участие в религиозном обряде бракосочетания младшего брата, и положение секретаря парткома вовсе не помешало ему считать законным развод, совершенный по мусульманскому обычаю.

— А что, я один так делал, все так делали! — искренне воскликнул он во время нашей беседы. Это был, пожалуй, единственный момент, когда я поверила в его искренность. Действительно, не он один...

Порой уродливо трансформировалось то, что в основе своей было положительным и здоровым. Авторитет родителей часто становился силой, обращенной во зло, подавляющей желания и устремления молодых к работе, к учебе, к любимому человеку. Почтительное, уважительное отношение к мужу как к главе семьи оборачивалось рабством, полной подчиненностью жены воле «хозяина». Традиционная привязанность женщины к дому, к своему кишлаку переходила в крайнюю степень ограниченности, духовной замкнутости.

Медленнее всего переделке поддается семейный уклад. Изменения в сознании, психологии самые трудные. Это особенно понимаешь сейчас, в год 60-летия «Худжума» — движения за равноправие женщин, за новый быт. Первые участницы «Худжума» бросали в костры паранджу, постигали грамоту, работали в женских артелях, принимали смерть от рук разъяренных басмачей. С их решительности и мужества началось раскрепощение женщин Востока, их путь к равноправию. Но как бы убедительны и очевидны ни были наши успехи, сегодня не время заклинять друг друга оптимистичными цифрами и примерами. То, что среди женщин Узбекистана есть бригадиры и председатели, врачи и учителя, депутаты и партийные работники, актрисы и уче-

ные, — это данность, естественная для советской республики. Иного и не может быть в стране, совершившей грандиозную революцию. Это как воздух, которым мы дышим, — его не замечают, о нем не говорят. Но мы хотим дышать чистым воздухом. И продолжать революционные преобразования сегодня — это значит, помня об успехах, идти дальше, решать проблемы, на которые не скупится живая, противоречивая, сложная наша действительность.

В Джизакском обкоме партии мне показали слайд-фильм с комментариями о состоянии социальности в области. Он честно зафиксировал картину запустения и развала. Таково позорное наследство, оставленное годами мнимого благополучия. Может быть, и хотелось бы отвести взгляд от объектов съемки — больно, стыдно! — но нельзя. Пришло время смотреть в упор. Новые люди, недавно пришедшие к партийному руководству, убеждены, что только при полной правде и всеобщей работе можно исправить положение. Сейчас в обкоме собралась работающая интеллигенция, мыслящая, неравнодушная, и эти качества способны компенсировать отсутствие у некоторых опыта партийной работы.

Борьба — это слово не только из воспоминаний участниц «Худжума», что означает «наступление». Она идет сейчас, и ведут ее наши современники. Ведут борьбу с бесхозяйственностью, непрофессионализмом, косностью, бескультурьем.

Ни один шаг на пути обновления, оздоровления общества не дается легко. Работают по двенадцать часов в сутки, без суббот и воскресений, не обольщаясь первыми успехами, не поддаваясь усталости и нетерпению.

Сегодня одна из главных для области задач — повысить культуру быта. Наводя первоначальный порядок, партийным работникам приходится вникать во все и строго спрашивать с тех, кто по привычке создает видимость работы и вместо конкретного дела продолжает, как выразились в обкоме, «нести вчерашнюю ахинею». Вот и вынуждены здесь не только разрабатывать план социально-экономического развития области на ближайшие годы, но и разбираться с теми, кто не вывозит мусор из кишлаков или не может найти помещение для сельской парикмахерской.

Вы скажете: это не функция обкома. Здесь это тоже знают. Но знают еще и то, что именно такой черновой, порой ничтожной по масштабу работой сегодня определяется забота о благе людей. Здесь знают главное: их функция — функция света. А светлее становится не только от мощного прожектора. Может быть, именно поэтому бытовая учительница, а теперь инструктор обкома, заместитель председателя областного женсовета Шаира Холмирзаева так и назвала недавно созданный ею выездной женский клуб — «К свету».

Партийные секретари заходят в дома, беседуют с людьми — такого никогда прежде не было. Как не было и «Дней открытого письма», на которых хозяйственные руководители держат ответ перед людьми за все нерешенные проблемы: за неоткрытый детский сад, развалившийся клуб, необорудованную школу и амбулаторию, за то, что нет в сельском доме водопровода и газа, что не работают баня и сапожная мастерская.

Практическая деятельность партийных и хозяйственных руководителей рассматривается под углом ее социальной направленности. Но стремление к порядку и переменам должно идти и «снизу». Это движение уже ощутимо. Члены женсоветов совершают подворные обходы, штрафуют

тех, кто держит свой двор и дом грязными, захламленными, следят, чтобы у детей были нормальные условия для занятий. Они пропагандируют опыт лучших хозяек, привлекают женщин к занятиям в университетах семейно-бытовой культуры, выясняют, в каких товарах есть нужда. Но главное — стараются не обойти вниманием человеческие судьбы, вникнуть в семейные проблемы, поддержать женщину в ее стремлении реализовать свою личность.

Конечно же, проще снабдить жизнь внешними признаками современной культуры — машиной, мебельным гарнитуром, телевизором (хотя частенько и нетрадиционную для узбекского дома мебель надо убедить приобрести). Куда труднее воспитать культуру взаимоотношений, повлиять на образ мыслей, изменить укоренившиеся привычки.

Недавняя учительница русского языка, секретарь Зааминского райкома партии Мукаррам Эшанова с опытом партийной работы в несколько месяцев рассказывает, как проходила в районе первая женская спартакиада.

— Для меня было главное — узбечек в спортивной форме на стадион вытащить. Весь день они прыгали, бегали, а я радовалась. Для кого-то это обычное дело, а для нас революция. Правда, пока участвовали только работающие женщины.

В кабинете у Мукаррам с утра толкуются молодые женщины, старухи, дети, те, кому раньше приходило в райком было непривычно.

Уже вечером, в десятом часу, заглянула юная Махбуба Мухамадиева, инструктор райкома. Она только что вернулась со схода женщин в одном из кишлаков.

— Еще двадцать девушек готовы ездить на фабрику работать. Женщины интересовались, как устроить уголок для детей. Решили, что нужно открыть клуб «Здоровье». И еще просили научить их печь пирожные...

Мукаррам записала все пожелания и обронила: «Научим». А потом уже ко мне:

— Сколько у нас энергичных, талантливых женщин! Вот сейчас в области создаются первые фольклорные женские ансамбли, хоть и нелегко семейных апа уговорить выйти на сцену. Но какие стихи они экспромтом сочиняют, как хорошо поют, играют на дутаре, рубабе, дойре — я заслушиваюсь! Надо только помочь им проявить себя, дать почувствовать собственную силу. Если женщины объединятся, сами захотят для себя другой жизни, старый быт не устоит перед ними.

Правоту этих слов подтверждает хотя бы то, как женсоветы и махаллинские комитеты (по месту жительства) взяли под свой контроль проведение свадеб. Они объявили бойкот принятым до недавнего времени пышным, помпезным, многолюдным и многодневным торжествам, которые бесстыдно демонстрировали вопиющее богатство одних, а других заставляли тянуться из последних сил, лишая себя и детей на протяжении многих лет необходимого, только бы не ударить в грязь лицом. И оказалось, что народ прекрасно может обходиться без того, что годами выдавалось за «народную традицию».

Жизнь освобождается от лжи, возвращая себе истинные ценности, которые сохраняет народ даже в самые трудные времена.

Но как горько, что среди тех, кому предстоит менять жизнь и меняться вместе с ней, нет Рузигуль Ярлакабовой.

Анжела МХИТАРЯН,
наш спец. корр.

Зааминский район,
Джизакская область,
Узбекская ССР.

Сегодня имя крестьянской художницы Любы Михайловны Майковой известно многим. Первая выставка ее картин открылась в Москве осенью 1986 года. С тех пор было еще четыре выставки. Самые разные люди стремились увидеть картины, написанные человеком, впервые взявшимся за кисть в 79 лет. В живописи у Майковой учителей не было, никто не показывал ей, как держать карандаш, кисть, пользоваться красками, не было и «влиятель» — жизнь прошла вдаль от выставок и картинных галерей. Тем интересней понять, что стоит за чудом рождения неподражаемого самобытного художника.

Век я

ВОСПОМИНАНИЕ

Прожила тетя Люба жизнь. Работы переделала гору: два дома построила, детей, внуков, правнуков вырастила. А теперь без ее помощи все со своей жизнью управляются. Какая польза людям от старой тети Любы? Себе еще дров наколет, крышу починит, картошку посадит, а на помощь никто не зовет. Пусто на душе.

Зима все дороги к деревне замела, сугробов насыпала под самые окна.

Отошла тетя Люба от окна. Села. Стала вспоминать свою жизнь, перебирать по дням и ночам, любоваться канувшим, без вести пропавшим. До самого детства добралась — и вдруг увидела.

Девочка крохотная заглядывает за плечо большого дядьки. В руках у дядьки досточка, на ней разноцветные кучки красок.

Иконописец взял кисточку, макнул в трех местах — вышло небо...

Тетя Люба взяла карандаш, стала чертить на оберточной бумаге из-под чая. Конюшню начертила. Рядом дерево, высокое

и нежное, похожее на черемуху. Потом траву черточками набросала, подумала и стала тоненько, еле касаясь карандашом бумаги, выводить курочек. Потом сама собой нарисовалась лавка, а на лавке славная маленькая женщина — то ли курочек кормит, то ли просто радуется. Вгляделась тетя Люба получше: кто же это такая? И вдруг поняла — это она самая есть.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ

Стоит Люба у печки, кочергой угли ворошит, а муж ее, Колюшка, то справа подвернется, то слева, обнимет ее будто невзначай.

Люба, тоже ненароком, кочергой его зацепит: «Что ты, Любушка!» — вскрикнет Коля.

А то наварят овсяного киселя, сядут за стол. Колюшка к Любе все ближе подвигается, затиснет в самый угол под образа, про кисель начисто забудет. А Люба нечаянно махнет ложкой мужу по волосам и бежать из избы. В сенях на лавку вскочит, ждет, когда осерчавший Колюшка ее нагонит. А тогда на шею прыгнет, поцелует и скажет:

Рис. А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Дальнюю деревню не забуду

— Люблю я тебя, Колюшка, век никого другого не полюблю!

ПРОЩАЙ НАВЕКИ

— Только бы проститься,— говорил Колюшка.— Больше ничего мне не надо.

На большаке за деревней рыли окопы. Люба по одну сторону вместе с бабами, Колюшка — по другую, еще в штатском, но уже солдат. Так и работали друг против друга, а немцы с неба на них листовки сыпали: «Советские дамочки, не копайте ямоч-

ки, не пойдут наши таночки по вашим ямочкам...»

Люба со злобой на лопату ложилась, а в душе теплилась надежда: вдруг сбежит Колюшка? Разве большой это грех — в своем доме с женой повидаться? А муж при встречах одно твердил: «Только бы проститься с тобой».

И как в воду глядел: вышла Люба утром на большак — нет наших, ушли за Волгу.

Люба в чем была, позабыв о сыне в избе, побежала, куда указали. Километров двадцать

бежала безлюдной дорогой, только кустики и болотца видела. Не заметила, как налетела на потового. Тот ее за плечо схватил: «Куда?» «Догоняю мужа, проститься».

Оказалось, нет их, ушли за Волгу на большую войну.

ЗАГОВОРЕННАЯ

— Эй, кто жить хочет, давай со мной!

Обвела Люба глазами церковную сторожку, где спрятались беженцы. Лица бледные, безучастные, от близкого грохота плечи уже не вздрагивают. Устали. Ко-

пчелками жужжат, словно бы в летний день. Последние метры Люба с сыном ползли на коленках. Потом легли ничком на лед и стали горстями воду из проруби пить. Была эта вода, страшная и желанная, холоднее льда.

Вернулась Люба в сторожку с полной бадьей:

— Пейте. А не верили, что я заговоренная.

БЕЗ ВЕСТИ

Одно короткое письмо о прощании получила Люба от мужа из-под Смоленска еще дома, в Брюханове. А второе, незнако-

ДАЛЬНИЕ ОГОНЬКИ

Бежит тетя Люба по дороге. Звезды алмазные на небо высыпали, ни одно деревце не шелхнется. Мороз. А тете Любе жарко. Телогрейку расстегнула, хорошо б валенки еще скинуть! На плече у тети Любы потерянная сумка, набитая письмами, переводами, телеграммами. Пять деревень надо обежать до ночи, раздать людям добрые вести. И ей письмо посчастливилось получить: нашлась по ее запросу племянница, живет в Ржеве. Пишет, что нет теперь их деревни, земля минами начинена, ни пахать, ни ходить нельзя — вот что наделала война! А от сестер и братьев нет вестей: была большая семья, а осталась одна на свете с сыном Толей.

Бежать тете Любе не в тягость. Вся жизнь — бегом. Так степенно ходить и не выучилась, даже по деревне бежит, как заполошная, потому что не случилось минутки, когда б незачем было спешить. Дома сын ждет, скучает без матери, есть один не съедет, и корова не доена, и печь дымит, дымоход чистить надо. Да мало ли чего надо во вдовьем хозяйстве... Самая большая забота — корова. Как бы до лета дотянуть, до зеленой травки... Косила, себя не жалела, да ведь не мужик, размаха такого в руках нет. Не мужик, а своими руками дом достраивает!

Вспомнив о доме, тетя Люба еще прибавила шагу, и снежная укатанная дорога словно сама ее понесла. Хорошая работа — почтальон. Бежишь, весь мир перед глазами видишь, и так потеплеет в душе, когда засветится вдали оранжевый огонек, первый дом за околицей: вот ваши письма, вот ваши добрые вести!

РАЗУМ В РУКАХ

Сколько картин у тети Любы, она в точности не знает — сотни три наберется, не считая гуашей. Картины разошлись по людям, по выставкам. Тете Любе и спокойней: как с ними в доме жить? То юбкой за них зацепится, то платком, на голову валется, ни пройти, ни печь затопить.

Однажды зимой стих на тетю Любу напал: разом сорок картин в избе стояло. Одна сохнет, другая не окончена, третья только начата — словом, такой дурман от красок, хоть беги на мороз спасайся! А рисовать хочется.

Печь бросит разжигать, спешит мазнуть желтым по зеленому, про чайник на плите забудет, небо вечернее вспоминает. Не успеет кончить «Я и мой Колень-

ка», как Пушкина с женой Натальей Николаевной воображает, как они в обнимку по дорожкам ходят, как сидят на лавке, книжку вместе читают, а кругом — деревья, деревья... А потом зиму рисует, что за окном, и весну с яблонями, и Волгу с рейсовым катерком посередине.

Художник, который навез тете Любе холстов и масляных красок, случайно увидев ее рисунки и поразившись, ничего ей не объяснял. «У тебя разум в руках — сама догадаешься, что к чему».

И догадывалась она. Столько весен и зим перевидала, столько любви к земле скопила, что сама любовь догадывалась, как ей высказаться, как лечь по полотну краскам. По сей день дивит ее эта красота, спрятанная в невзрачных тюбиках.

ПАМЯТНИКИ УБИТЫМ

Услышит тетя Люба по радио рассказ о погибшем на Великой Отечественной войне и рисует погибшему памятник.

Утопает обелиск в зеленых деревьях, вольно бегут они по картине до горизонта, напоминая волжский пейзаж близ деревни Селищи, где уже 46 лет живет тетя Люба. Иногда фигурку на зеленом фоне изобразит и назовет картину тогда, например, так: «Погибшим под Смоленском воинам руку подает мать».

Погибшим, без вести пропавшим, легшим в безымянные могилы, как ее Колюшка. А тем, чье имя известно, памятники тетя Люба рисует поименные. Бывает, что у нее, «одноклашки», непослушные буквы съедут с обелиска на зеленое дерево. Тетя Люба не горюет — главное, что имя написала. В Москве, куда ее привозили на выставки, художники упрашивали тетю Любу: «Не пиши ты этих имен, не порть картину, назови «Вечная слава», и все поймут». Тетя Люба не соглашалась: «Если я рисовала партизанке Инне Константиновне, то Инне Константиновне и вечная слава».

— Да была ли ты в тех краях, видела те памятники? — допытывались у нее.

— Куда ж я одна поеду, с вокзала сойду на площадь, сразу под машину и попаду, а хороший человек из-за меня в тюрьму съедет. Нигде я не бывала, не знаю, есть ли там эти памятники. Я им сама памятники рисую.

ЛЕС И ПТИЦЫ

Нравится тете Любе свое имя. Ей не жалко его и птице дать. Трех воробьев, которым пригля-

торый уж день здесь сидят, невдалеке от родных, уже взятых врагом деревень...

— Детки ваши пить хотят! Давай со мной к Волге, я заговоренная, со мной не убьет!

Никто с места не тронулся, глаз не поднял.

— Принесу воды, — пригрозила Люба в последний раз, — никому не дам!

Взяла семилетнего Толю за руку, в другой — бадья, и пошла.

Путь небольшой, метров триста, только пули по снегу, как кузнечики, скачут, а в воздухе

мым почерком, уже в деревне под Кимрами, куда поселили беженцев из-под Ржева. Пропал без вести — все письмо.

После войны утешали Любу: «Может, живой, прижился в чьей избе, одумается, вернется». Но она твердо знала: нет его на свете, не мог он без нее прожить...

С сорок второго жила вдовой, привыкла, и чудно ей только, что старее она своего Колюшки, и сын Толя, единственный из трех детей оставшийся в живых, тоже его старее.

нулса тети Любин корм. зовут Петья, Яша и Любанька. Знакомую ворону — тоже Любанькой. Воробышки, хоть и знают тетю Любу, каждого скрипа и шороха пугаются, осторожничают, такое их племя. А ворона Любанька умна и бесстрашна. Выйдет тетя Люба со двора — ворона на плетень сядет, смотрит внимательно, куда пошла, что ей за воротами надо. Возвращается тетя Люба — откуда ни возьмись летит Любанька, перья топорщит: забыла, мол, про меня, старая, а я тут, есть хочу!

Не певчие птицы, не бог весть какие красивые, а родные.

Однажды углядела тетя Люба в ворохе цветущей черемухи соловья и поразила его малости. Слышала, конечно, что невелика птица, но что такая маленькая — в чем душа держится, — не могла представить. «А я соловья видела», — гордилась перед встречными-поперечными. Ей: «Ну и что?»

«Соловья видела, это же к счастью».

А какое счастье в ее годы? Прошлой осенью пошла за грибами в лес: «Пусть не вернусь обратно, а пойду!» Грустно было в лесу. Легкий ветерок погуливал, листья с деревьев сдувал, как будто и не были они никогда живыми. Один на тети Любиных глазах оторвался, спланировал, лег на ножку, покрутился, чтобы взлететь, да хоть легонький, потянула его земля, место указала, где лежать.

Оглянулась тетя Люба кругом: листья знакомые шумят, как в молодости, а ей уже 88 лет, неужели жизнь прошла?..

Уходила домой с корзинкой грибов, долго с лесом прощалась, каждой сосне, березке, осине кланялась.

А вышло, что впрок простилась. Весной все первые березы с опушки тетю Любу узнали.

НИЧЕГО НЕ ТРЕБУА

Добра ли, нет тетя Люба, она сама не знает. То все отдаст, то пожалеет, что отдала, а потом пожалеет, что пожалела. Простить каждого может, но знаясь с ним больше не желает. «Иди, иди, — шепчет, — своей дорогой, прощай, только больше мне не встречайся».

Не так уж просты отношения издавна знающих друг друга людей в большой, но пустынной зиме деревеньке. Катер по Волге не бегает. Дорогу от Кимр то развезет, то стянет морозом. Электричество гаснет, приемник шепчет, хлеба белого порой по месяцу не везут. И трубы дымятся лишь в пятнадцати домах.

В непроезжую пору гостей в деревне нет, лишь к тете Любе заворачивает то пробившийся чудом «Жигуленок», то пешие туристы, рыбаки, художники. Горожане восхищаются тетей Любой, на старости лет взявшейся не за вязание кружев, не за пальцы — за кисти! И пишет не с натуры, а по памяти, не выходя со двора, чтоб не смешить соседей — как знаменитые итальянцы, составлявшие свои композиции в мастерской.

Тете Любе объяснили, что живопись ее сродни творчеству грузинского художника Нико Пирсоманавили. Сама она не знает, как ценить свои картины. Для деревенских соседей это блажь, и какой-то голос внутри самой тети Любы с ними согласен. От почтения горожан, от бесконечных гостей, которых надо кормить, постель стелить, провожать на катер, тетя Люба немного устала. Да и видит, как колят деревенским глаза любопытные «Жигуленки». Зато ее соседям понятны заботы старого, одинокого человека, они видят незаметное городскому глазу: скобоченный дом, небогатую поленицу дров, которых никак не хватит на зиму. Сами такие, самим некому дров напилить.

Тети Любина слава обтекает стороной ее повседневное существование. Живет, как люди живут, ничего себе не требует. Недавно баньку сама сложила, чуть богу душу не отдала. Яму под столб вырыла, а столб поставить не может. Выйдет на дорогу — нет мужиков. Полдня ждала, так ни один мужик мимо и не прошел. Пришлось самой столб ставить. Измучилась, зато потом гордилась: увидел бы Колюшка, похвалил, не ленивая у него жена!

Как-то в задумчивую минуту опять вспомнила тетя Люба свою жизнь и вдруг словно увидела себя со стороны:

*Дальнюю деревню
Век я не забуду
И домишко древний
Славной тети Любы.*

Это ее собственные стихи, Любоби Михайловны Майковой.

Татьяна ШОХИНА

Деревня Селищи,
Кимрский район,
Калининская область.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

На цветных фотографиях картин Л. М. Майковой:

*«Погибшим под Смоленском
воинам руку подает мать».*

«Встреча. Муж и жена. Колюшка и Любушка».

«Артисты отдыхающие».

ПРОПАВШИЕ ПРЕМИИ

Поймите нас правильно: дело не в самих премиях, которые неизвестно куда подевались. Когда мы, рабочие семенных складов, вышли в прошлом году на уборку урожая, то меньше всего думали о деньгах. Хотелось помочь родному совхозу быстрее и лучше собрать выращенный хлеб, не допустить потерь. И трудились мы, как говорится, в поте лица своего...

Перед началом работ в весовой были вывешены условия соцсоревнования. В ходе уборки мы не раз слышали от председателя профкома А. В. Рябинина, что в этот напряженный момент социалистическое соревнование в совхозе приобрело широкий размах и все, кто хорошо трудится, будут премированы. Но где конкретно проявляется этот «широкий размах», кто впереди — узнать нам так и не удалось.

После окончания уборки началось подведение итогов. Но не думайте, что оно проходило в торжественной обстановке, что кто-то из руководителей сказал нам доброе слово, поблагодарил за добросовестный труд. Все было проще. Профком составил списки передовиков, которым полагаются премии, и посчитал, что свою миссию выполнил. Списки должен был подписать директор совхоза В. И. Агафонов. Но он собирался в отпуск и, по-видимому, не успел. А оставшийся за него главный агроном Н. В. Никонов подписывать категорически отказался: «Коль директор не подписал, я тем более не буду...»

В конце февраля директор вышел из отпуска, но к этому времени списки куда-то исчезли. Выход нашли такой: одну бригаду премировали, а другим сказали:

— Теперь уж и новая страда не за горами. Проведем ее — сразу за два года и премируем...

Хотим повторить: дело не в премиях. Дело в отношении к людям — равнодушном, пренебрежительном. И в компрометации самой идеи социалистического соревнования.

Н. АБДРАХМАНОВА, В. ИВАНОВА,
А. ПОДБОРОНОВА, К. ЧУНЧАЛИЕВА,
И. ПОДБОРОНОВА, С. ИВАНОВА.

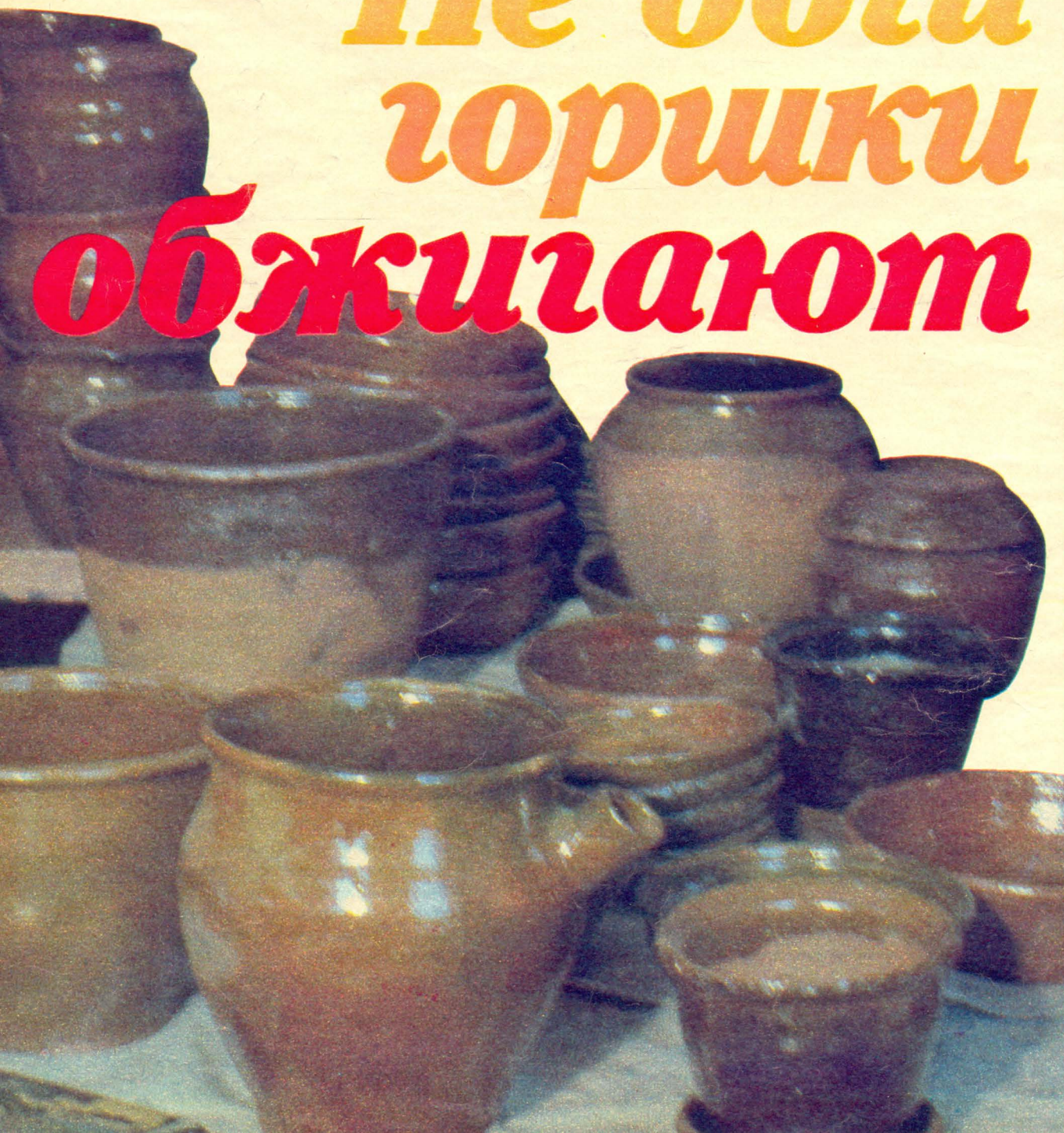
Совхоз «Чалыклинский»,
Озинский район,
Саратовская область.

ОТ РЕДАКЦИИ. Факты, приведенные в письме, полностью подтвердились. Как сообщил председатель Озинского райкома профсоюза работников агропрома В. А. Лабузов, вопрос о волоките с выплатой премий заслушан на президиуме райкома профсоюза. Председателю профкома совхоза «Чалыклинский» А. В. Рябинину указано на недостатки в организации социалистического соревнования. Премии за 1986 год выплачены.

Дед часто говорил мне зимними вечерами: «Смотри, Сашко, и учишь делать, как я. Все надо уметь — и горшки с плошками лепить, и корзинки плести, и косы клепать. Учишь работе, Сашко, и тебя будут уважать люди». Деда моего, Александра Матвеевича Серова, люди уважали. Гончар был замечательный и человек добрый. Никогда никому не отказывал — ни другу, ни прохожему человеку. Учился я своему ремеслу у него и у отца, Александра Александровича. Отец, когда дед на фронт ушел, остался в 14 лет в семье за старшего — ребят малых нянчил, горшки делал, землю пахал. Старинное наше ремесло. В какой печи прежде не томила картошка в глиняном горшке!

Не боги горшки обжигают

В опарнице тесто для пирогов подходило, в корчаге белье кипятилось до снежной чистоты. А самый вкусный хлеб пекли в большой глиняной плошке. Наши парфеньевские горшечники славились на все Верхневолжье.

А теперь вот остался наш род — я да отец с матерью. Гончарное дело мужских рук требует, а вот покрыть глазурью посуду — тонко, красиво, аккуратно — сподручнее женщине. У мамы моей, Анастасии Федоровны, хорошо это получается. Люди покупают нашу посуду не красоты одной ради, а чтобы в печь ставить да на стол подавать.

Александр СЕРОВ

Село Парфеньево, Костромская область.

*Вот мы все:
мама, отец, я...
А внизу те,
для кого мы
работаем,—
односельчане,
покупатели,
ценители...*

Фото Н. КОНОНОВА.

Я ждала у стойки, где приезжающие в нашу страну, и свои, и иностранцы, проходят паспортный контроль. Первой увидела Пэт. Мы обнялись, обменялись первыми отрывочными фразами, а я все заглядывала через ее плечо:

— Где Джанет?

— Не придет, не смогла... — коротко объяснила Пэт и, увидев мое огорчение, добавила: — Не расстраивайся, у нас все впереди...

Пэт Дэйл — национальный координатор организации «Матери за мир» — приехала к нам в составе объединенной делегации Великобритании, представлявшей на Всемирном конгрессе женщин в Москве 68 различных организаций и движений страны. Но для меня Пэт была не просто участницей конгресса. Я очень подружилась с ней и Джанет Томс, которую так ждала, во время поездки в Соединенные Штаты Америки — мы принимали участие в международной встрече матерей, которую проводили по инициативе американских женщин. Та поездка была трудной. Из города в город, из штата в штат мы переезжали на машине по ночам, а днем выступали перед фермерами, домохозяйками, персона-

выросло число бездомных семей в Большом Лондоне — это город с окрестностями. По подсчетам известного английского социолога профессора Лидского университета Джона Грива, сейчас в черте Большого Лондона насчитывается более 27 тысяч бездомных семей. Фактически, как утверждает Грив, их раза в два больше. Просто многие из них по разным причинам не ставятся на учет властями. Все они вынуждены или снимать углы в ночлежках, или спать под мостами, в заброшенных домах, на садовых скамейках.

Джанет Томс живет далеко от Лондона. Чтобы попасть к ней, нужно сначала ехать больше двух часов на электричке от вокзала «Ватерлоо», затем около часа плыть на пароходе до острова Уайт.

Честно говоря, я никогда особенно не надеялась, что судьба даст мне возможность побывать у Джанет дома. Но вот мы с Кариндой, белокурой восьмилетней дочкой Джанет, кормим на подворье двух несушек, которые, по словам хозяйки, обеспечивают яйцами всю семью.

Остров Уайт небольшой, на нем живет 110 тысяч человек, в основном фермеры. Истори-

Жаль, что не приехала ДЖАНЕТ...

лом больниц, школьниками, преподавателями.

Вот тут-то я и обратила внимание на Джанет. Она оказалась не только отзывчивым товарищем, но и человеком, хорошо подготовленным для политических дискуссий.

Тогда она здорово помогла нам. Когда мы, советские представители, рассказывали о мирных инициативах нашего правительства, об усилиях нашей страны, направленных на обуздание гонки вооружений, о том, что дает социализм нам, женщинам, Джанет, которая выступала сразу после нас, старалась на примере своей страны, собственной жизни показать, что несет гонка вооружений простым людям. Тем, кто не наживается на войне. И ей, медсестре по образованию, матери двух детей, было что сказать.

Политика правительства Маргарет Тэтчер, направленная на сокращение ассигнований на здравоохранение, образование, жилищное строительство, привела к обострению социальных проблем миллионов англичан, таких, как Джанет и Пэт. Давайте только представим: за последние пятнадцать лет в семь раз

чекским памятником острова стали три тюрьмы, построенные еще в прошлом веке, но действующие и по сей день.

— Не обращай внимания, — сказала Джанет. — Мы привыкли.

А остров красивый: дома и домики с маленькими садами, в которых полыхают кусты гортензий и роз.

Конечно, мы приехали сюда не просто в гости. Джанет Томс — казначей организации «Матери за мир» и руководит ее отделением на острове. На этот раз моим компаньоном по поездке была Кенешман Исманова — заместитель председателя Иссык-Кульского облизполкома. Гостиницы в Англии дорогие, и поэтому, когда Джанет предложила поселиться у нее, мы с радостью согласились.

Комната, которую отвели мне и Кенешман, была «средних английских» размеров: метров двенадцать и, судя по мебели, детская. Там стояли две кровати, покрытые коричневыми одеялами из овечьей шерсти. В Англии такие одеяла любят за то, что они очень теплые. У каждой кровати — тумбочки, застеленные кружевными салфетками, лампы с абажуром

из желтого пластика. На противоположной стене зеркало на подставке, сделанной мужем Джанет — Терри. Чтобы принарядить комнату, Джанет оклеила ее однотонными обоями оранжевого цвета, а потолок такими же обоями, но уже коричневыми, разбросав по нему звезды из фольги. Вечером и ночью, когда в комнату падает свет уличного фонаря, потолок и вправду похож на небо.

Как все хорошие хозяйки, Джанет гордится своим домом. Но когда она показала ванную, я поняла, что просто обязана как-то бурно выразить свое восхищение. Дело в том, что в большинстве английских домов для того, чтобы умыться, нужно заткнуть раковину пробкой, наполнить водой и затем пользоваться ею как тазом. Так вот, у Джанет была отапливаемая ванная комната с душем и раковиной со смесителем.

В первый вечер мы заболтались до глубокой ночи. Джанет сокрушалась: дети растут, а она никак не может устроиться на работу. Да и Саймон, старший сын, тоже. Ему уже восемнадцать лет, окончил курсы по специальности автослесаря, но пока без работы.

И сколько это будет продолжаться — трудно сказать.

По официальным подсчетам, в начале этого года в Великобритании не имели работы свыше трех миллионов человек, иначе говоря, 13 процентов всего трудоспособного населения. Джанет и ее сын — в их числе.

У Джанет, по ее словам, надежды найти работу почти нет. Ведь она медсестра, а нынешнее правительство Великобритании упорно ведет политику на сокращение центров здравоохранения. Стране нужны деньги на строительство ракет, подводных лодок и других видов вооружения. Согласно сведениям Комитета по социальному обеспечению Палаты общин, за последнее время число медработников уменьшилось приблизительно на 11 тысяч. Точные цифры назвать трудно, поскольку они постоянно растут.

— Моя семья еще не в худшем положении, — продолжала Джанет.

Терри хорошо зарабатывает, он столяр-краснодеревщик, и мы можем позволить себе даже жить в собственном доме. А ведь во многих семьях нужда приводит к тому, что

родители должны отправлять несовершеннолетних детей на заработки. Поскольку подросткам платят гораздо меньше за тот же труд, чем взрослым, то и найти работу им легче.

Я не удивилась, потому что знала об этом. Великобритания занимает сегодня одно из первых мест среди европейских стран по использованию детского труда. Свыше двух миллионов английских детей вынуждены прирабатывать, а то и трудиться сразу на двух работах.

Утро в семье, невзирая на наше присутствие, началось по заведенному порядку.

Терри мы не видели, он ушел в начале седьмого. Каринда тоже уже позавтракала и теперь укладывала в свой пластмассовый портфель школьный завтрак: яблоко, булочку и пакетик молока. Соседка из домика напротив, заглянув в дверь, с любопытством посмотрела на нас — еще бы, русские! Она обещала Джанет подвезти нас и Каринду в школу вместе со своими детьми.

В Англии личный автомобиль воистину не роскошь, а необходимость, особенно в сельской местности. Посудите сами: на острове

Уайт с населением свыше ста тысяч человек вообще нет общественного транспорта. Если вам нужно в магазин, школу, порт — вы должны сами решить, как туда добраться. Правда, и отношение к автомобилю у англичан совсем не такое, как у нас. Размеры, внешний вид совершенно не важны, мотор может быть хоть на крыше, лишь бы кое-как возил. Такой «вездеход» есть и у Джанет, но они с соседкой стараются чередовать поездки, чтобы сэкономить на бензине.

Каринда учится в католической школе здесь же, на острове. Джанет повезла нас туда, чтобы мы могли поговорить с детьми и преподавателями. Все с большим вниманием слушали рассказ Кенешман Исмановой, которая в прошлом преподавала два предмета в школе — физику и физкультуру, о реформе школьного образования у нас в стране, о традиции начинать учебный год с Урока мира. Особый интерес вызвали цифры, свидетельствующие о количестве женщин — инженеров, врачей, юристов и педагогов в СССР.

В этом интересе не было ничего удивительного. Работа, которую выполняют сегодня английские женщины, в основном продолжение той, которую они традиционно выполняют дома. Дискриминация женщин в Англии начинается уже со школьной скамьи, девочки лишены возможности в полной мере проявлять свои способности. В результате основные их профессии — секретари, машинистки, продавцы, няни в детских садах. Среди инженеров женщины составляют всего лишь восемь процентов, менее пятнадцати процентов — юристов, менее десяти — врачей, менее 0,7 процента — квалифицированных рабочих. А заработная плата женщин составляет 66 процентов от той, что получают мужчины.

Как-то на лондонской улице я увидела забавный плакат. На нем была изображена дама с лицом Маргарет Тэтчер: она, осторожно озираясь, запустила руку в карман стоящей перед ней в очереди женщины, весь облик которой говорил о тяжести ее забот: один малыш на руках, второй в коляске, третий держится за подол. Плакат с горькой иронией передавал отношение рабочего человека к политике правительства консерваторов, постоянно сокращающего расходы на социальные нужды.

«Матери за мир» — одна из многочисленных женских организаций Великобритании. Она возникла недавно по инициативе английской учительницы Люси Бехенны, одинокой пожилой женщины, отдавшей все свои сбережения в фонд новой организации.

На Всемирный конгресс женщин представительницы этой организации приехали, чтобы вместе с нами, вместе с женщинами других стран выработать единую стратегию борьбы за мир, за будущее своих детей.

Идут и идут телеграммы в адрес Комитета советских женщин. Женщины разных стран благодарят за предоставленную им возможность встретиться в Москве, принять участие в открытом и честном диалоге по вопросам, которые волнуют сейчас женщин всей земли: мир, равенство, развитие. Пришла телеграмма и от «Матерей за мир». «Спасибо за все, — пишет Пэт Дэйл. — За ваше радушие и гостеприимство, за все, что вы делаете во имя сохранения мира на земле! До новых встреч!»

Марина МОСКВИНА

На прощание мы сфотографировались с активистками организации «Матери за мир». Первая слева — Джанет Томс.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ЕВГЕНИЙ
МАРТЫНОВ

— У меня было звонкое детство. На чем только не играл мой отец-самоучка: на пианино, на гитаре, на домре, на аккордеоне. А мать пела. За аккордеон и за пианино меня силком никто не усаживал, учиться музыке было так же естественно, как учиться чтению и письму. Однажды, когда я уже стал музыкантом, мне попались на глаза стихи Андрея Дементьева «Баллада о матери». Я прочел их и вдруг услышал напев. Это была моя первая песня. С тех пор их было много, но и сейчас порой застываю в недоумении перед загадкой: что такое песня? Почему вдруг удастся ее написать или, наоборот, не удастся? Сына Сережку пока такие вопросы не мучают, он просто любит петь. Не знаю, кем он станет, но детство у него тоже звонкое, жена ведь преподает музыку, я сочиняю — с утра до вечера дом «звучит»...

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Стихи Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО.
Музыка Евгения МАРТЫНОВА.

Белая сирень в твоём саду...
Лишь только к ней я подойду —
И вспомню вновь слова твои:
Белую сирень ты зря не рви...

ПРИПЕВ:

Белая сирень —
Белых гроздьев стая,
Может, ты живая,
Может, видишь ты,
Как я жду любви,
Как о ней мечтаю?!

Знаю,
Что цветет сирень к любви!..

Белая сирень, скажи ты мне,
Зачем грустишь в чужом окне?
Как сладок плач, как горек смех!..
Белая сирень — как белый снег.

ПРИПЕВ.

Белая сирень, прошу тебя,
Не отцветай, не облетай!
Душе моей надежду дай,
Белая сирень, не отцветай!..

ПРИПЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. О популярности рубрики «По вашей просьбе» свидетельствуют тысячи писем, где вы благодарите за встречу с любимым певцом или актером, делаете заявки на новые. Мы стараемся выполнить заявки, которые повторяются особенно часто, но, конечно, удовлетворить абсолютно все не можем. В ваших письмах много пожеланий встретиться и с известными зарубежными исполнителями, особенно настойчиво молодые читатели называют Адриано Челентано, ансамбль «Модерн токинг». Постараемся пригласить и их на наши страницы.

Фото Е. МАТВЕЕВА.

«...Я тебя придумала»

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ
отвечает на письма
юных читательниц.

В июньском номере мы говорили о «Принце из волшебного ящика», о любви к эстрадной «звезде». Не просто о поклонении, почитании таланта — о настоящей любви, которая становится личной драмой. В ответ на публикацию мы получили множество откликов. Вот некоторые из них.

«Нам кажется, что причина такого явления, как безумная любовь к незнакомому артисту, в ограниченности. В жизни этих девочек образовалась пустота, нет сильных чувств, богатых впечатлений, оттого и ищут суррогатов. Как еще возвыситься в собственных глазах, если не влюбиться в знаменитость? А тут, смотришь, появилась в жизни своя тайна, ты не живешь, а священнодействуешь, любой поступок обрел значительность — как же, ведь он совершается с мыслью о Нем... А чем на деле является такая любовь? Своего рода самозащитой от обыденности собственной жизни.

Лена Пирогова, Тая Мельник,
Украинская ССР».

«Терять голову из-за того, что Валерий Леонтьев отлично держится на сцене? Мне тоже очень нравятся два певца, но у меня хватает здравого смысла, чтобы по ним не сохнуть.

Люда А., Закарпатье».

«Благодаря Валерию Леонтьеву я полюбила классическую музыку, сейчас учусь игре на пианино. Спасибо ему — он открыл мне прекрасную страницу музыки...

О. Костюль, г. Херсон».

«...Я вдруг поняла, что не хочу быть из той толпы поклонниц, что не дают жить моему любимому певцу. Ведь среди них те, кто жадно и настойчиво домогается его любви. Ну, а я не хочу больше мешать ему жить, зная, как он ценит время, когда может побыть один. Любовь к живому человеку я из себя вытравила — чуть ли не каленым железом, поверьте! — но сохранила чистую любовь к его таланту.

Т. Б., Кемеровская область».

«Никакие ваши статьи не заставят нас перестать желать встречи с кумиром. Что вы нам читаете морали, когда мы жить без него не можем?! И пусть Валерий сам ответит, что он по этому поводу думает. А моралью мы сыты по уши!

Группа девушек, Московская область».

...Сколько писем, столько и точек зрения. И мыслей здравых высказано немало. Но тем не менее многие из самых скромных и вежливых писем в редакцию заканчиваются неожиданно горячей просьбой: а все-таки познакомьте меня с моим любимым артистом!.. Так вышло, что главным героем большинства писем оказался популярный певец Валерий Леонтьев. Мы рискнули обратиться к нему с вопросом, мягко говоря, выходящим за рамки творчества: что думает Валерий о своих поклонницах, как относится к их «любви»?

ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ:

Думать о незнакомых людях мне трудно просто потому, что я их не знаю. А к поклонникам своего творчества отношусь с уважением: вижу в их интересе к собственной особе интерес к музыке. И, конечно, мне приятно, когда люди, для которых работаю, ценят мои старания, сопереживают успехам, сочувствуют неудачам. Рад, что мне посчастливилось кому-то поднять настроение, кого-то удивить, рассеять чью-то печаль. Но вот нагонять печаль, да еще личного плана, мне вовсе не хотелось бы. И считаю, что здесь я совершенно ни при чем. Если человек хочет создать себе кумира, он его создаст. К тому же могу сказать, что быть объектом настойчивого обожания не слишком приятно. Но, главное, мне жаль этих девушек, к сердечным драмам которых, повторяю, не имею никакого отношения. Мечтать о воображаемом, не замечая, что рядом люди с живыми радостями? Разве жизнь не богата, не щедро ко всем нам, чтобы свести ее до выдуманного чувства к выдуманному человеку?

Взволнованный женский голос захлебывался в трубке:

— Я тридцать лет работаю в больнице, но такое случилось впервые. Приезжайте, поговорите с ними. Может, вам удастся их убедить.

Врачи, акушерки, медсестры знали, зачем я приехала, и каждая видела что-то свое в той истории, которая тянулась у них на глазах вот уже месяц. Но в основном они оценивали ее одинаково...

ЗАЯВЛЕНИЕ

Просим устроить нашего ребенка Петрова Владимира Сергеевича в специализированное лечебное учреждение на государственное обеспечение в порядке статьи 72 Закона о здравоохранении РСФСР.

З. Петрова, С. Петров.

Эти несколько строчек решили судьбу человека, который только что родился. Тридцать дней у него были отец и мать. Этой бумагой они отказывались от него.

В один из осенних дней появился на свет мальчик. Был он нормально развит, но имел врожденный дефект: то, что в народе называют заячьей губой. Врачи осмотрели малыша и пришли к выводу, что мальчик «перспективный» — так медики определяют детей, болезнь которых с течением времени полностью излечивается. А дефект, с которым родился этот ребенок, современная медицина может устранить почти без следа.

Все это врачи как можно убедительнее и мягче изложили молодой матери. Они старались успокоить и убедить ее, что все поправимо, приводили примеры, рассказывали о случаях куда более серьезных, однако кончавшихся успешным излечением.

Но молодая женщина не могла успокоиться, плакала, не спала по ночам. И тогда врачи под свою ответственность (в родильных домах не разрешают никаких свиданий) устроили ей встречу с мужем. Женщине, ослабленной родами и тяжелыми переживаниями, очень нужна поддержка близкого человека — вот так они считали, устраивая эту встречу. Двое молодых людей долго стояли у широкого окна, говорили... А на следующий день Зина сообщила, что они с мужем решили отказаться от ребенка.

...В большой больнице бывает всякое. И раз, а то и два-три раза в год врачам приходится уговаривать какую-нибудь неразумную мамашу подумать обо всем и все взвесить, прежде чем писать слова: «Даю свое согласие на усыновление моего ребенка» — или те, что написали супруги Петровы.

От принятого решения не всегда удавалось отговорить, и причины тому были разные, может быть, неуважительные, но понятные: одиночество, неустроенность, просто легкомыслие. К тому же очередь на усыновление, в которой стоит так много хороших людей, жаждущих отдать ребенку заботу и любовь, внушала врачам надежду, что оставленному малышу с новыми родителями будет по крайней мере не хуже, если не лучше, чем с родной матерью.

Но здесь случай был особый. Такой ребенок усыновлению в раннем возрасте не подлежит. А его здоровые молодые родители — ей двадцать четыре года, ему двадцать восемь, оба с высшим образованием, с приличными заработками, с отдельной квартирой — ничуть не похожи на легкомысленных прожигателей жизни. Почему же они отказываются от ребенка? Только потому, что его нужно выхаживать,

нужно лечить? Это не укладывалось в голове.

Врачи вспоминали одного ребенка, другого, третьего... Эти дети сейчас уже взрослые. Тоненький, ниточкой шрам на губе — это только специалистам говорит об их врожденном дефекте. Но рядом с этими детьми с первых дней их жизни были родители — отец и мать, это их забота и искусство врачей дали такой результат. А Петровы испугались. Очевидно, они чего-то не поняли или просто введены в заблуждение...

Заведующая отделением позвонила Сергею, попросила зайти. Она долго с ним говорила, убеждала, уговаривала. А когда он вышел из кабинета, подошла к нему акушерка, потом медсестра. И все говорили об одном и том же. Они женщины, матери и хотели, чтоб у этого мальчика тоже были мать и отец. Они ясно представляли себе, что ребенок не пропадет, что государство заботится обо всех, но представляли также, как сиротлив маленький ребенок даже в самом хорошем детском доме... И снова уговаривали и убеждали. Но безрезультатно: Сергей был непоколебим. А Зина только плакала.

Ничего не оставалось: нужно было оформлять на ребенка соответствующие документы, и скорее, чтобы начинать его лечение уже в другой больнице. Но Сергей категорически отказался зарегистрировать мальчика и дать ему имя. Опасался, что если даст сыну свою фамилию, тогда не будет иметь права от него отказаться. Отец тянул почти месяц. Вот тогда юристконсульт больницы разъяснила ему: если родители не берут ребенка и не отказываются от него, закон предусматривает возможность возбудить дело о лишении их родительских прав. Только после этого Петров принес нужные документы.

Свидетельство о рождении Владимира Сергеевича Петрова получила старшая сестра родильного отделения больницы. Тот документ, который я привела вначале, Сер-

гей Петров написал собственной рукой.

И вот мы сидим напротив друг друга в пустом кабинете и разговариваем. Разговор идет медленно: мне трудно задавать вопросы, ему нелегко отвечать.

— Мы с женой хотим иметь детей, но полноценных. Взять этого — значит, только им и заниматься... И вообще, мы имеем право.

Действительно, право они имеют.

— Да и врачи меня обманули, — продолжал он. — Говорят, что может быть всякое, за излечение на сто процентов ручаться нельзя.

Что тут скажешь? Всякое может случиться с каждым. Можно ли ручаться на сто процентов даже за будущее того, кто родился на свет крепким, как Гераклес? Да и от кого требовать этих гарантий?

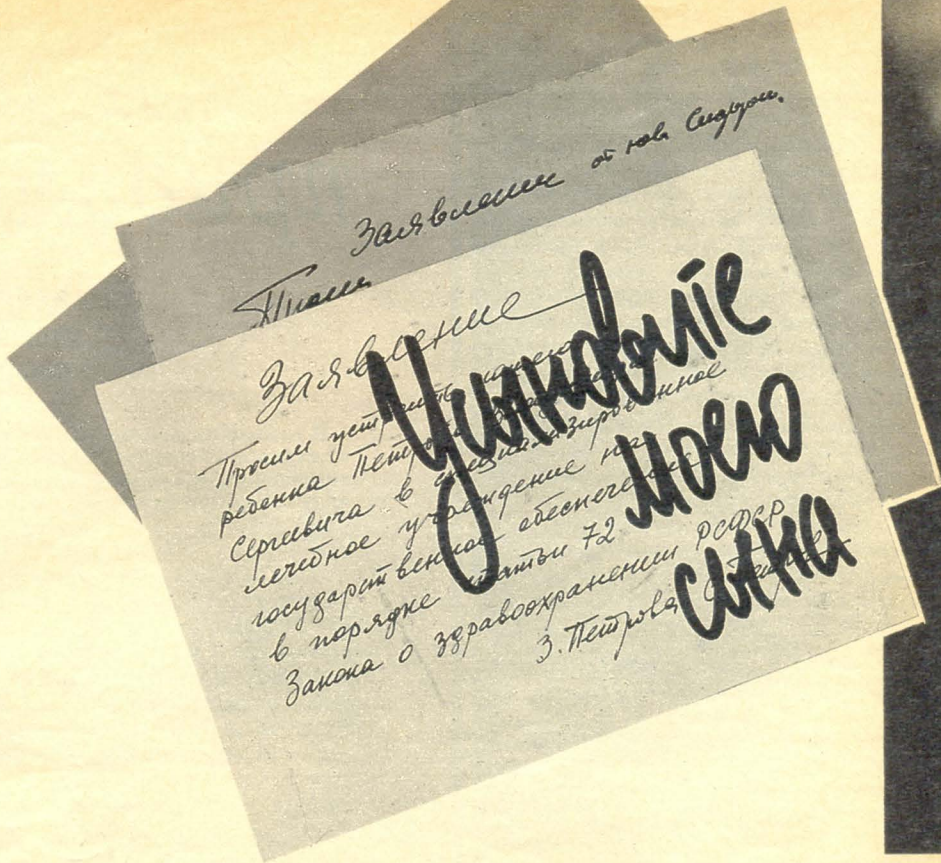
— Ну вот, оформление закончено. Теперь вам стало легче?

— Почему вы так думаете? Я всегда преклонялся перед врачами. Придет по вызову, так бежишь пальто снять, подать... А тут увидел, какие они. Вы знаете, как они со мной разговаривали?

Зину работники родильного отделения больше жалели, чем обвиняли. В свои двадцать четыре года она выглядела совсем девочкой. И не только выглядела. Она выросла в семье, где мама с папой за нее всегда все решали. И ей это казалось правильным: они старше, опытнее, умнее... Принимать решение было мукой: она пары туфель сама не купила. После замужества продолжалось по-прежнему, правда, теперь все решал Сергей. Ее до сих пор это нисколько не тяготило, но сейчас...

— Не понимает, что делает, — говорили о ней. — Но он-то, муж...

Это он, считали в больнице, с его осторожным умом, твердостью характера, таким хорошим знанием своих прав воспользовался тем, что бесхарактерная жена его любит и не хочет потерять, добился ее согласия на отказ

от ребенка. В последние дни, правду говоря, при встречах с ним врачи и сестры не всегда соблюдали дипломатический этикет. Ничего в этом хорошего нет. На работе мы обязаны сдерживать свои эмоции. Но это не всегда удавалось, и Сергей, наверное, имеет все основания обижаться. Он долго и подробно говорил об этой своей правоте... А я думала о другом, о словах усталой медсестры Татьяны Ивановны, которые она сказала Зине:

— Эх, девушка, не будет у вас в семье мира. Оклемаешься — брось его. Разве он тебе муж, друг жизни? Какая из него опора? Ребенка больного бросил, и тебя, не дай бог, заболеешь, тоже не пощадит. На такого надеяться нельзя.

Зина только опустила голову и не сказала ни слова. Каждый из нас только тогда и может жить без страха за себя, за свой завтрашний день, если верит в надежность своих близких. Без этого ощущения человек даже среди сотен людей чувствует себя потерянным и одиноким.

— Как Сергей не понимает, что он обездолил не только своего ребенка, но поставил под удар свою молодую семью? — с недоумением спрашивает врач.

Не понимает. Потому что уверен в себе и в своем праве на счастье и благополучие.

Двадцать восемь лет он прожил не то что совсем безмятежно, но без потрясений. Единственный сын у любящих родителей, которые заботились о том, чтобы у мальчика было все, что нужно. Хорошие способности помогли пройти школьный и вузовский курс без особых усилий. Симпатичная внешность, остроумие и одновременно серьезность обеспечили успех у девушек. Жениться не спешил, но когда встретил Зину, долго не раздумывая, красивая, с мягким характером и институт уже окончила... Любил ли? Конечно! И ребенка ждал, строил планы на будущее. Но для больного ребенка в этом будущем места не было.

Сергей привык жить благополучно, и когда пришла беда, начал искать способ отгородиться от нее. И закон нашел, и статью закона чуть ли не наизусть выучил. Статья 72 называется так: «Государственная помощь гражданам в осуществлении ухода за детьми». Говорится в ней о родильных домах, детских яслях и о том, что «дети с дефектами физического и психического развития содержатся в домах ребенка и других специализированных детских учреждениях за государственный счет».

Многие в таком же положении этим законом не пользуются, принимают беду на собственные плечи и мужественно несут ее. Побеждают не всегда, что скрывать, но не отступают сразу, даже не попробовав бороться. А друзьям и товарищам по работе сказал, что ребенок умер. Ему сочувствовали, его утешали, он молча принимал слова соболезнования. Что он чувствовал в эти минуты?

Думаю, постыдность своего поступка он понимал, иначе не стал бы скрывать его ото всех. Он не был плохим человеком — в том смысле, какой мы обычно вкладываем в эти слова. Скорее, наоборот, вполне положительный: трудолюбивый, образованный, непьющий. И если бы не испытание несчастьем, может быть, никто, да и он сам не узнал бы, каков он на самом деле. Сергей был хорошим до тех пор, пока от него не требовалось особых усилий быть таким.

Конечно, случай с супругами Петровыми если не уникальный, то все-таки редкий. Гораздо чаще встречаются люди, которые не выдерживают испытаний более мелких, но каждодневных. Разве мы не знаем мужчин, которые бегут из дома из-за плача ребенка, из-за пересоленного супа, невыстиранной рубашки... Оставляя жену наедине с бытом, мужчина поступает не только трусливо и неблагородно по отношению к ней, он предает себя, разрушает свое представление о долге.

Иногда само понятие долга считают чем-то холодным и рассудочным. Так оно и есть, если мы ощущаем свой долг как нечто постороннее, существующее отдельно от нас.

...Жила в вологодской деревне большая семья. Отец, мать и четверо детей — два сына, две дочери. Старшему было пятнадцать, младшему — шесть, когда началась война. Отец при прощании уронил:

— Не вернусь...

Через месяц он погиб на Ленинградском фронте.

Старший сын, Иван, ушел из восьмого класса в школу трактористов, а в конце войны его призвали на службу во флот. Девочки — Таня и Наташа — одна за другой уехали в Ленинград в ремесленное. Получили специальность, место в общежитии. Потом повыходили замуж. Мать осталась в деревне с младшим — Пашенькой. Павел окончил десять классов, отслужил и тоже приехал в Ленинград. Здесь уже обосновался Иван, и мать сюда переехала. Так вся семья снова оказалась вместе.

Это предыстория. А история... К ней даже трудно подступиться. Начнем, пожалуй, с конца.

В народный суд поступило заявление Пономарева Павла Петровича с просьбой выписать из его квартиры его мать, Пономареву Марию Степановну, в связи с тем, что она на данной жилой площади не проживает.

Уже было назначено слушание дела, но суд не состоялся, так как мать выдвинула встречный иск: сын и невестка гонят ее из квартиры и издеваются над ней.

Марию Степановну 76 лет, она очень больна и почти неграмотна. Заявление в суд писала не она, его сочинили сообща старший сын и две дочери.

Теперь дело ждет своей очереди для рассмотрения. Но какое бы решение ни вынес суд, думается, оно не может ей помочь.

Плохо ли жить с любимым сыном? Но если

он каждый вечер пьян, куролесит, пристаёт к матери с угрозами? Худо ли жить в квартире со всеми удобствами? Но если тебе не дают ключей, и ты сидишь целый день, как узник, дожидаясь, пока кто-нибудь придет? А если сын с женой в ссоре, так и поест порой нечего.

Бывало и так, что, примирившись, сын и невестка собирали ее вещички и отправляли к дочке Наташе, благо, та живет недалеко. Наташа через некоторое время переправляла мать обратно.

А потом появилось это заявление в суд. Честно говоря, мне трудно представить, о чем говорили брат и две сестры, когда сочиняли этот самый встречный иск. Казалось бы, какой там иск, какие заявления, аргументы и документы! Раз матери плохо с братом, значит, нужно забрать ее и устроить так, чтобы ей было спокойно. Других решений, казалось бы, и быть не может. Но... Они решают судиться «до победного конца».

Все трое — Татьяна, Иван, Наталья, — как принято считать, неплохие люди: честно работают, семьи у них крепкие, и все их благополучие — квартира, мебель, домик на садовом участке — заработано нелегким трудом. И всем этим они дорожат. Дорожат устоявшимся бытом, спокойствием и потому не хотят вносить в свою жизнь новые заботы и осложнения, даже если они и связаны с родной матерью.

— Мы от матери не отказываемся, деньги даем регулярно, — слово в слово повторял каждый из них, — но она больше всего делала для Павла, все для него, вот он и обязан...

Жизнь — долгая. И не каждый умеет пройти по ней без ошибок. Может быть, не всегда мать была права и справедлива, может быть, любовь к младшему толкала ее на такие поступки, о которых она потом и сама жалела. Но стоит ли сегодня ворошить старые обиды?

— Так с кем же будет жить ваша мама? Из уклончивых ответов взрослых детей видно ясно: места для нее в своем доме не ищет никто.

Наверно, каждый из нас встречал в жизни не один случай самоотверженной любви и преданности. Я знаю женщину, которая оставила интересную работу, чтобы ухаживать за парализованной матерью. Я вспоминаю мальчика, юношу, который каждый вечер приходил к кинотеатру, чтобы встретить слепого отца-музыканта и проводить его домой — много лет из вечера в вечер! Я знакома с семьей, где невестка, разойдясь с мужем, осталась для своих свекра и свекрови другом и помощницей. Оказывается, в памяти много таких примеров.

Но немало и других примеров, других людей... Своим отступлением от собственных нравственных принципов они находят всяческие оправдания, но совесть их неспокойна. Неспokoен был и Сергей Петров, неспокойны и дети Марии Степановны Пономаревой. Их волнение, неловкость, недомолвки и даже некоторая агрессивность объяснимы: они понимают, что их действия расходятся с нормами морали, которую исповедуют окружающие и которую они до сих пор считали своей собственной. Они как бы уговаривают себя, что поступили правильно, и все-таки боятся осуждения, боятся потерять репутацию порядочных людей. Но ведь у порядочного человека есть обязанности перед собой и другими. И никто их за нас не выполнит.

Полина СОЛОВЕЙ
Фото В. ЩЕКОЛДИНА.

Накануне в колхозном клубе давала концерт агитбригада. Вела концерт девушка из райкома комсомола — Ксения Павловна. Зрители сидели в пальто, с шапками в руках, а она была в тоненьком шерстяном платье, в лодочках, чувствовала, что ею любуются, и распухала непринужденно и зрителями и актерами.

Почти вся агитбригада была девичьеская. И когда утонувший в пижамных брюках и необъятной кофте, подпоясанной почтовым шпагатом, тоненький клоун говорил нарочитым басом: «Трактор только что починен, // Что ж он стынет на меже?», а другой, девически округлый, пищал: «Потому что он починен // И полуманный уже», и оба клоуна подпрыгивали и хлопали себя по животу и ногам и даже кувыркались, — зрители хохотали одобрительно:

— Ну ходкие девки, гля-ка ты! Во что выделывают.

Ксения Павловна вышла после клоунов со смехом и пригласила зрителя еще посмеяться и похлопать. И клоуны выкувыркивали на сцену и еще что-нибудь «выдавали».

— Слышь, Кузя, — старательно басил тоненький клоун, — а «Гигант»-то... отстает!

— Ой, Зюзя, а «Факел» работает... без огонька!

И снова после них и после певца и декламаторов выходила Ксения Павловна и руку протягивала к закулисы в равной степени восхищенно и милостиво: «Попросим, товарищи!», и улыбалась и залу, и исполнителям, и еще успевала найти взглядом в зале своего «залеточку», студента ленинградского института, который был на каникулах и приехал вместе с нею в эту деревню.

Наутро агитбригадовцы, невыспавшиеся, озябшие, стояли у правления, ожидая грузовик, выделенный председателем, чтобы отвезти их в поселок. Тут же стояли человек двенадцать здешних, которым надо было в «район» или еще куда-нибудь дальше. Стояла среди них и девочка лет двенадцати — в валенках, в большом платке — стояла, как стоят обычно дети со своими взрослыми: не слыша их, отъединенная от них своими мыслями, а может, даже не мыслями, а прикованностью взгляда к лицам, людям, их повадкам и отношениям. На своих, деревенских, она не смотрела, разглядывала агитбригадовцев, особенно Ксению Павловну, которая вчера вела в клубе концерт. Девушка и тут была оживлена, моментально оборачивалась на любое слово, шутила, смеялась. Возле нее стоял парень, высокий, посиневший от холода, но беседовал парень этот не с Ксенией Павловной, а с певицей, которая вчера пела «Валенки». Беседовал он с нею, как подумала девочка, «без любви», как старший с младшей, со смешком и снисходительностью, но по тому, что на них одних не оборачивалась в своей оживленности Ксения Павловна, девочка поняла, что ей неприятен их разговор, и тогда девочка поглядела на студента и певицу неодобрительно.

Было холодно. Агитбригадовцы в городских сапожках приплясывали, охло-

пывали себя и поглядывали напряженно, не едет ли машина. Студент вызвался сбегать поискать шофера.

— И я! — сказала певица и, оглянувшись на Ксению Павловну: — Можно?

Ксения Павловна пожала плечами с улыбкой, говорившей: «Конечно — почему бы нет? Если уж так хочется».

«Ведьма болотная», — подумала о певице девочка.

Вслед своему студенту и молоденькой певице Ксения не смотрела. Она думала устало, что на три года старше его, что всю осень до этих его каникул они переписывались, и, получая его нежные, колкие, вызывающие на словесную игру письма, она, выложившаяся до пустоты на работе, не всегда даже и понимала их, откладывала до утра, чтобы прочесть на свежую голову, а отвечала в воскресенье, поднатужившись, чтобы тоже быть легкой и остроумной. Подняв голову, Ксения уже не увидела в конце улицы ни своего студента, ни юной певицы, а увидела только снег, коричнево, льдисто вытопанный на улице. Она вспомнила, как вчера, перед концертом ходили со студентом гулять за околицу, и, уже побегав и потолкавшись, но не согревшись, смотрела она из-за его плеча и видела заметную дорогу, неровную поземку, как зевотное подергиванье равнодушного лица, и, оттого ли, что снег на дороге только одним следом был протоптан в сторону, где начинался уже другой район, оттого ли, что никогда в ту сторону Ксения не ходила, казалось ей, что это не другой район, а край мира, что так и идут в беспредельность неряшливо торчащие из снега хворостины и ничего уже не значат километры, сотни их и даже миллионы — расстояния, поглощаемые морозом, жестким без всякого зла.

Все это время девочка, не отрываясь, смотрела на Ксению Павловну, на ее ровный носик и красные мочки ушей, на печально опущенные уголки губ, на тонкую белую руку с красным запястьем, которую та рассеянно вынимала из варежки, чтобы поправить волосы. Девочке хотелось разглядеть глаза Ксении Павловны. В это время вышло солнце, и по одну сторону от Ксении Павловны снег лег голубым, а по другую — лиловым, но глаза в тени ресниц, в черноте зрачка так и остались неизвестными девочке.

Подкатила машина.
— Влезай, — сказала девочке тетка, подсаживая ее. — В середку залезай, не так обмерзнешь.

На дне кузова была навалена солома, и люди стали угнездываться, отодвигаясь, сколько возможно, от зандевелых бортов, укрываясь тулупами. Девочка как бы нечаянно оказалась рядом с Ксе-

Наталья СУХАНОВА

НЕ

нией Павловной, но села, не прикасаясь к ней, и даже смотрела в сторону. Ксения Павловна сначала ее и не заметила, смеялась со своим студентом. «Синюха,— определила студента девочка.— Лицо синее, а уши красные! И в концерте,— подумала она, вспоминая сразу и Ксению Павловну в облаке кудрявых волос, и клоунов в смешных кофтах,— в концерте Синюха ничего не делал, наверное, такой же никуда, как брат мой, а держит себя высоко, куда там!». Кто-то просунул ногу между ней и Ксенией Павловной, но девочка подвинулась так, чтобы упихнуть эту ногу обратно. Тут только обратила на нее внимание Ксения Павловна:

— А ты, пичужка, чего истуканчиком сидишь? Подвигайся ближе — теплее будет! — и укрыла ее полой тулупа, и спросила, как зовут.

От неожиданности девочке показалось, что у нее и голоса-то не станет ответить. Но выговорила:

— Таня.

— А меня — Ксения Павловна, — сказала девушка, словно Таня не знала.

И снова обернулась к Синюхе, который сидел напротив нее — колени в колени, но часто оборачивался к другим и тогда тулуп с ног Ксении Павловны стягивал.

— Он с вас совсем тулуп стащил, — сказала девочка строго. — Вы-то, конечно, о нем заботитесь! Уж очень вы добрая. Он парень — он и так угреется!

Вокруг все засмеялись, даже и Синюха. Смеясь, Ксения Павловна сказала:

— Да ты ж посмотри, Танюша, какой он худенький. Мы-то с тобой крепкие, он скорее озябнет.

— Зябковатый, — согласилась девочка, поглядев с прищуром на студента.

— Того и гляди зубами застучит, — подхватил кто-то.

— Кабы не зубы, так и душа бы вон, — заключила без всякого смеха девочка и на залившихся смехом вокруг посмотрела неодобрительно. — Вот растряслись, вот растряслись — смех-то не работа.

И насушилась под хохот вокруг, и сидела насушенная, пока про нее не забыли.

Раза два, прежде чем выехать из деревни, останавливались, шофер куда-то забегал, подавал в кузов ведра и авоськи — верно, посылки родственникам в поселок. Девчушка вдруг сказала шепотом:

— А можно, я вас буду просто Ксенией звать? Вы еще молодая. У нас Ксенией одну бабу звали. Она померла о прошлый год. Только вы молодая и красивая, совсем непохожая на нее.

Студент-таки расслышал Танины слова, рассмеялся и хотел погладить ее по голове, но она отодвинулась и тулуп, попра-

вленный им на ее ножках, переправила по-своему.

— У нас учительница, на вас похожая, — сказала она Ксении Павловне, когда студент отвернулся. — Только она такая деловая!

— Я тоже деловая, — улыбнулась Ксения Павловна.

— Не-ет, — сказала девочка, вглядываясь в нее и даже как бы с осуждением, что та обманывает. — Вы такая миленькая.

СУДЬБА...

— Во-от оно что! — опять вмешался студент. — У вас и тут, Ксения Павловна, поклоняющиеся вам. Уж очень вы кокетливы.

— Без этого никуда! — шутливо откликнулась девушка.

— Что он нас все слушает? — не вытерпела Таня. — Подслух какой! Подслух подслушал, да подзатыльника скушал, правда же?

— Ну, он же не со зла. А ты уж очень стrogая, Танюша!

— И не хочешь, да нужно! — вздохнула девочка. — У нас бригадир совсем не может строго быть. Его все Андрюхой зовут. Правда, так и зовут! У нас не любят, кто над кем становится. Он на работу кличет, а ему: Андрюха да Андрюха. А потом, в получку-то, кулак, что ли, сосать? Держать людей надо.

Она посмотрела в сторону, за грузовик, а потом тихонько на Ксению Павловну — не наболтала ли глупостей. Но та была по-прежнему ласкова, и девочка осмелела.

— Да вы двиньтесь ближе! — сказала она. — Послушайте, что я вам скажу. Вы улыбайтесь, хорошо? Вы улыбаетесь, как солнышко.

И сама, простоватая, со своим бледненьким личиком, вдруг озарилась улыбкой, странной улыбкой: простодушной и в то же время горькой, что ли.

«Что за игра света и тени, — подумала со смутной болью Ксения. — Как это странно бывает: иногда старушка улыбнется девочкой, а девочка — умудренной женщиной». Но стоило ей обнять Таню, прижать к себе, и та снова стала ребенком — болтливым и радостным. Машина выехала наконец на проселок. Все спрятались с головами под тулупы, никто больше не мешал девочке кричать на ухо Ксении Павловне о разных событиях своей жизни:

— У нас Саша кашевар, а Вася кашелёб. Говорит: «Наша каша не перцу чета, не порвет живота». Это так, глупости! А вот еще смешно: «Ох, сударушка, я пьяный, ты сведи меня домой, положи на мягоньку постельку, сама постой передо мной» Это припевка такая. Вася поет. Васю второй раз вызывают в милицию за драку. Его выпускают, а потом все равно

посадят. Он когда в первый раз вернулся, на него Володя как налетит... А Вася взял его за шкуру — ха-ха-ха! — а бабушка на него закричала. Он плохой — Вася. Он ничего не хочет делать, только драться и за девушками ухаживать!

Девочке хотелось отодвинуть тулуп, чтобы посмотреть при свете на Ксению Павловну. Тулуп она отодвинула, а посмотреть не решилась, выглянула за грузовик. От столба у самого леса через все чистое снежное поле, дорогу и еще поле, до кромки черного леса лежала синяя, узкая, прямая как стрела тень. Такая ровная, такая синяя, через всю нежность снега, через всю золотистую белизну лежала эта тень от неказистого столба, словно это был какой-то знак или примета. Так хорошо стало девочке, что она засмеялась беспричинно и снова укрылась с головой тулупом. Ей хотелось, чтобы Ксения Павловна опять повернулась к ней под тулупом, чтобы в темноте блеснули ее глаза и зубы, и Таня сказала:

— Послушайте, что я вам скажу. Вы в Ленинграде бывали, наверное?

В это время машина забуксовала, и мужчины, и женщины выскочили подбросить под колеса соломы или веток. Ксения Павловна тоже хотела спрыгнуть, но девочка удержала ее:

— Сами справятся. А то я без вас совсем замерзну.

Но с разговора сбилась. Машина снова поехала, снова Таню обхватила ласково Ксения Павловна, девочка еще раз выглянула из-под тулупа и увидела уже совсем рядом лес, а солнечный свет на снегу лежал, как дробный радостный смех, — кусочками и полосками, яркими-яркими. Она больше несколько не боялась Ксении Павловны — уж очень все хорошо было: и синяя тень столба через всю заснеженную нетронутую землю, и этот дробный яркий солнечный свет в лесу.

Машину встряхивало и мотало, сбоку под тулуп поддувало, ноги мерзли, но Таня ничего этого не замечала. И солнце, и тени, и чистый-чистый снег, и черный лес вдаль, и сосны и березы вблизи — все это было сейчас с нею, даже в ней, потому что рядом согрела ее Ксения Павловна.

— Вы хорошая! — торопливо говорила она. — Конечно, хороших все любят, а плохих никто...

Тряхнуло. Студент, выпустивший от толчка руку Ксении Павловны, приладила снова завладеть рукой и только удивился, какая она горячая.

— Он мне руку жмет, — сказала раздраженно девочка. — Скажите ему, чтобы он нас не открывал — холодно же!

Ксения Павловна прыснула, студент пробормотал: «Однако какая взрослая, нежная ручка», — а девочка сказала:

— Мне из-за него плохо дышать — он прямо совсем возле нас!

Студент отодвинулся, засвистел тихонько.

В поселке у переезда начали вылезать, выгружать реквизит и вещи. Распорядившись насчет бутафории, Ксения обернулась к понурой, стоявшей поодаль девочке, и собственные ласковость и приветливость показали ей жалкими, как мягкое слово, сказанное бездомной собаке, которая пойдет за тобой в отдалении по ночному городу, бросаясь в подворотни от тормозящих машин, но снова нагоняя и следуя в нескольких шагах сзади — сама тоска и одиночество. «Что за фантазии, что за чушь! — тряхнула она головой. — Девочка ждет из магазина тетку, она не одна, присмотрена... Что же, бросаться к ней, отнимать, удочерять? Дурачество же!» Студент тронул ее за локоть, и, резко обернувшись, едва только глянув ему в лицо, ударила она сердцем, угадала: нет, не судьба он ей, не судьба!

Все так же понуро стояла девочка. Такая тоска была у нее сейчас на сердце, что несколько часов такой тоски — и само воспоминание об этом дне должно будет вымерзнуть доглы. Разве что через десятилетия вспомнит она, уже не создавая, откуда, к чему, синюю, легкую, как летящая стрела, тень через снежные поля от леса до леса и не поймет, почему именно это вспомнилось — слабо, как уходящий свет, коснутся ее давние, свежие радость и грусть.

Снежок порхал в воздухе. Солнце зашло за облако. В несильном, из-за облака, свете старой слежавшейся солью побиел снег.

ПО ВАШИМ ПИСЬМАМ МЕРЫ ПРИНЯТЫ

ПОЧЕМУ НЕ ВЫБРАЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

«...Наш колхоз разваливается на глазах, — написала читательница П. С. Бородина из колхоза «Ленинский путь» Дубовского района Ростовской области. — Председатель колхоза А. Г. Самсонов работает спустя рукава. В результате хозяйство не приносит прибыли. Но мы, колхозники, не можем больше терпеть такую расхлябанность!»

Письмо рассмотрено отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности Ростовского обкома КПСС совместно с Дубовским райкомом партии. Факты, указанные в нем, подтвердились. Колхоз «Ленинский путь» в течение нескольких последних лет не получал плановой урожайности зерновых и кормовых культур, задолжал государству по ссудам 6,9 миллиона рублей. Здесь допускались грубые нарушения финансовой дисциплины.

Председателю колхоза А. Г. Самсонову и секретарю парткома Н. В. Порошину объявлены строгие выговоры. В соответствии с приказом по РАПО материальный ущерб колхозу будет возмещен за счет виновных.

Прокуратура района ведет дополнительное расследование по

поводу оформления фиктивных нарядов, незаконной закупки овец у населения и других злоупотреблений.

На отчетно-выборном собрании колхозники отказали в доверии своему председателю — руководителем хозяйства он не избран.

НА ПРИЕМ К ВРАЧУ

«У работников нашей механизированной колонны много детей, но медицинское обслуживание их не налажено. До нашей поликлиники добираться далеко, а находящаяся рядом городская поликлиника нас не принимает. Помогите, пожалуйста», — обратилась в «Крестьянку» Е. А. Ремзенюк из поселка Сосновка Кемеровской области.

Редакция направила ее письмо в Главное управление лечебно-профилактической помощи детям и матерям Минздрава СССР.

Жалоба рассмотрена с выездом на место. Лица, виновные в волюте, привлечены к дисциплинарной ответственности.

Решением Кемеровского облздраводела сосновские дети прикреплены к детской поликлинике, входящей в состав центральной городской больницы г. Гурьевска.

Сегодня я вам, дорогие хозяйки, приготовила приятный сюрприз: пригласила в гости известного кулинара из Болгарии Ивана Панева и попросила его поделиться рецептами национальной кухни.

ТАК ГОТОВЯТ В БОЛГАРИИ...

СОВЕТУЕТ ИВАН ПАНЕВ

ЗАГОТОВКА ИЗ БРУСНИКИ

500 г брусники очистить, чисто промыть, насыпать в стеклянную банку емкостью 750—800 г. Добавить столовую ложку соли, столько же сахарного песка, 30 г уксуса, 2—3 листа герани, 2 головки гвоздики (пряности). Залить холодной кипяченой водой и закрыть крышкой. Банку нужно несколько раз перевернуть дном вверх и обратно, чтобы соль и сахар разошлись. Хранить в прохладном месте.

Приготовленная таким образом брусника сохраняет почти полностью все витамины, очень вкусна, ее можно использовать и как приправу к жареной птице, мясу.

ИЗ ВИШНИ

Очистить и промыть 400 г вишни, удалить косточки, сложить в стеклянную банку, добавить 3—4 штучки гвоздики, чайную ложку сахарного песка, столовую ложку соли, 3 листика шавеля. Способ приготовления такой же, что и брусники, только банку нужно не просто закрыть крышкой, а закатать.

Такая вишня хороша на третье, для украшения кондитерских блюд, как приправа к мясным блюдам.

ИЗ ГРУШИ

2 кг мелкой осенней груши, можно даже дикой, очистить от плодоножек, хорошо промыть, аккуратно сложить в 3-литровую стеклянную банку. Туда же бросить столовую ложку соли, 4—5 листиков герани, 100 г созревшего кизила, щепотку лимонной кислоты. Залить холодной кипяченой водой (1,3 литра). Закрывать банку крышкой. Через день банку перевернуть вверх дном и обратно, повторяя прием 10 раз. Так пройдет 20 дней — и соленье готово.

ИЗ КУКУРУЗНЫХ ПОЧАТКОВ

5—6 небольших початков кормовой кукурузы

очистить, удалить волоски, аккуратно уложить в банку верхушками вверх. Добавить по столовой ложке сахарного песка и соли, 3 столовые ложки уксуса. Залить холодной водой, накрыть крышкой и стерилизовать в кипящей воде 40 минут, после чего крышку закатать.

Лучше зерна у консервированных кукурузных початков не нужно, их употребляют не только как закуску и приправу к еде, но и для украшения блюд.

ГЮВЕЧ

Подготовьте зеленый перец, баклажаны, стручковую фасоль, помидоры и томатный сок, зелень петрушки. Пропорции любые.

Перец нужно вымыть, удалить семена, ошпарить слабо подсоленной во-

дой так, чтобы кусочки не ломались, а гнулись. Крупные перцы нарезать дольками. Баклажаны очистить, нарезать в длину ломтиками, посолить, чтобы ушла горечь, через два часа промыть, подсушить и обжарить в растительном масле. Фасоль промыть и ошпарить соленой водой. Помидоры также тщательно вымыть, выре-

Все продукты нарежьте кубиками, размешайте, посолите и посыпьте черным молотым перцем по вкусу, залейте майонезом. Подайте на блюде, выложенном листьями салата.

ТЕПЛЫЕ БУТЕРБРОДЫ

Нужно взять 4 кусочка черствого хлеба, ломтик копченого сала, половину головки лука, 2—3 столовые ложки отварного мяса, провернутого через мясорубку, половину чайной ложки томатного пюре, сладкий перец.

Копченое сало, лук и перец мелко порезать, поджарить на слабом огне, добавить мясной фарш и жарить еще 5—6 минут, после чего заправить томатным пюре, разведенным в чашке воды. Смесь тушить еще минут 10, затем выложить на тарелку решетчатой ложкой или маленькой шумовкой. В оставшемся соусе размочить кусочки хлеба, распределить на них начинку и сразу же подать на стол.

ДЕСЕРТ

Подготовьте продукты из расчета на одну порцию: 2 куса черствого батона, яйцо, 2 столовые ложки молотых сухарей, 2—3 столовые ложки подслащенного молока, столовая ложка любого джема или повидла, сахарная пудра, немного масла для жаренья.

Мякоть батона слегка смачиваем в молоке, аккуратно вынимаем ложкой из середины часть мякоти, заполняем выемку джемом. Оба кусочка хлеба соединяем, поочередно несколько раз обваливаем в яйце и сухарях и поджариваем в разогретом масле. Подаем на стол, обсыпав сахарной пудрой.

Надеюсь, что наши рецепты понравятся вам. Приятного аппетита! Перевод с болгарского Е. ЛИБКИНДА.

зать плодоножки. Зелень петрушки промыть в проточной воде, нарезать.

На дно подготовленной банки уложить половину помидоров и зелени петрушки, затем слоями класть перец, фасоль, баклажаны — и так чередовать, заливая каждый слой томатным соком, чтобы он заполнил все свободное пространство банки. Наверх положить оставшиеся помидоры и зелень и снова залить соком. Закатать крышкой, стерилизовать 90 минут.

БЫСТРО И ВКУСНО

САЛАТ

Возьмите 300—400 г вареного куриного мяса, 3 соленых огурца, 3 вареные картофелины, яблоко, очищенное от кожуры, помидор, немного зелени, 3 столовые ложки майонеза.

ЭТОТ ЯРКИЙ, ПРАКТИЧНЫЙ АЦЕТАТ

У многих из нас сохранилось стойкое предубеждение против тканей с использованием синтетических волокон. Однако разнообразие этих тканей сейчас так велико, а рисунки так привлекательны и современны, что женщине трудно устоять, тем более что цена на синтетику куда ниже, чем на натуральные ткани. К тому же искусственные волокна помогают вещи держать форму в носке, не

так сильно мяться и садиться, а уж о прочности и говорить нечего: если вы когда-либо носили платье, скажем, из ацетатного шелка, то вы сами убедились, что такая вещь рань-

ше устареет «морально», выйдет из моды, чем изнашивается.

Правда, синтетические ткани легко электризуются, вследствие чего прилипают к нижнему белью или телу, но от этого неудобства легко избавит препарат «Лана» или любой другой антистатик.

Итак, сошьем платье из ацетатного шелка — такую модель «Хозяюшка» предлагает сегодня. Когда же придет пора освежить платье, выстирать его, вам пригодятся некоторые простые правила ухода за синтетикой.

Стирайте вещи из искусственного волокна только вручную, в стиральном порошке или в мыльной пене, не трите, не выкручивайте, не выжимайте, чтобы ткань не деформировалась. Места, которые обычно загрязняются быстрее других, можно отдельно потереть влажной тряпочкой, смоченной в крепком растворе сти-

рального порошка, или губкой.

Полоскать вещи из синтетики нужно тщательно, несколько раз в теплой воде и еще раза два — в холодной. Затем, не выжимая, встряхнуть и завернуть в сухое полотенце или простыню, лучше махровые. Достаточно нескольких минут, чтобы махровая ткань впитала воду с вещи: теперь платье или костюм можно повесить досушиваться на плечики, только не забудьте расправить, придать нужную форму.

Многие вещи из синтетики не требуют глажки. Но утюг поможет, если нужно будет растянуть изделие, восстановить его размеры и форму. Гладят одежду из синтетики теплым утюгом. Чтобы ненароком не сжечь, лучше нагреть утюг до необходимой температуры и выключить его, а уже потом прогладить изделие.

Т. КОНАКОВА

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

Если двери скрипят, когда их открывают или закрывают, смажьте петли обыкновенным вазелином — «музыка» прекратится.

Прежде чем пускать мыло в употребление, положите его на день-два на батарею центрального отопления, на печку: тогда оно даст вдвое больше пены.

Не рекомендуется чистить эмалированные ванны кислотами или порошками типа «Лемоксоль» — это может повредить эмаль.

На «сыпучей» ткани трудно прорезать петли для пуговиц, еще труднее аккуратно обметать их. Этой неприятности легко избежать, если прорезать отверстие для петель

нагретым ножом, натертым воском: воск стянет нити и облегчит обметывание.

Чтобы брюки дольше носились, можно пришить по низу с внутренней стороны толстую тесьму.

Покупая занавеси на окна, проверьте, чтобы ширина их была в 2,5 раза больше оконной: тогда складки на занавесях будут глубокими, красивыми.

НЕ ПОРА ЛИ РАЗМОРОЗИТЬ ХОЛОДИЛЬНИК?

Делать это необходимо регулярно, раз в три, а то и в две недели.

Прежде всего поворачиваем ручку терморегулятора на нулевую отметку и вынимаем штепсель из розетки. Открываем настежь дверцу холодильника и освобождаем его, все хранящиеся продукты вынимаем и разбираем (не знаю, как у вас, а у меня

при этом неожиданно обнаруживаются кое-какие запасы, о которых я забыла, кое-что приходится выбросить, поэтому после разморозки в холодильнике всегда как бы места прибавляется!).

Если в холодильнике, которым вы пользуетесь, под морозильной камерой нет поддона, подставьте под нее судок или блюдо, чтобы вода стекала в них.

Вы хотите управиться побыстрее? Тогда можно поставить внутрь морозильника миску с горячей водой, только ни в коем случае не старайтесь соскрести слой снега ножом, проволочной мочалкой.

Наконец, камера оттаяла: сливаем воду из поддона или судка, вытираем морозильник насухо.

Внутренние решетки, полочки вынимаем и моем теплой водой, затем также вытираем насухо. Стенки и дверцу с внутренних сторон можно вымыть теплой водой с добавлением пищевой соды (2 чайные ложки на литр воды), чтобы устранить запахи. Затем ополоснуть чистой

теплой водой и вытереть.

Готово? Теперь оставим чистый холодильник открытым на 30—40 минут. Никакой влаги — может появиться плесень, от запаха которой трудно будет избавиться!

Осталось вымыть холодильник снаружи. Делаем это теплой водой с мылом, вытираем насухо, хромованные части протираем мягкой тканью до блеска.

В. БЕРЕЗОВА

Рисунки Е. НОВИКОВОЙ.

Костюм из легкого ацетатного шелка с мелким рисунком, который мы сегодня предлагаем вниманию полных женщин (размер 54, рост III), выглядит нарядно и к тому же многовариантен.

ВОЗМОЖНЫ ВАРИАНТЫ

Блузу можно носить на выпуск с пояском, как вы видите на рисунке, или «посадить» на притачной пояс (и этот вариант вы можете увидеть на рисунке), можно вместо костюма сшить по нашим лекалам платье. Для этого придется отрезать блузу по линии талии и стачать ее с верхом юбки, собрав лиф на сборку и притачав застежку-«молнию» в боковой шов. Еще вариант: продлить боковые швы блузы и сделать цельнокроеное платье свободного рубашечного покроя. Выбирайте!

Костюм состоит из юбки — так называемой «годе»: шесть клиньев, сильно расширяющихся книзу, — и блузы полуприлегающего силуэта с модным рукавом реглан с вытачкой, длинным и зауженным книзу. Воротник-стойка с завязывающимися концами. Горловина и росток собраны на небольшую сборку. По переду — застежка в виде щели.

Итак, приступаем к ра-

● Раскраиваем детали блузки (не забудьте, пожалуйста, о припусках на швы — они в чертежах не учтены!). Обтачку застежки накладываем на лицевую сторону основной детали «лицом» вниз, обтачиваем разрез застежки со стороны изнанки и по намеченной линии разрезаем. Шов в конце надсекаем, обтачку вывертываем, шов выправляем, выпускаем кант в стороны обтачки, и приутюживаем.

● Горловину и росток собираем на сборку двумя параллельными строчками.

● Теперь стачиваем вытачку на рукаве, соединяем переднюю часть рукава с проймой по полочке, а заднюю часть — с линией проймы спинки. Швы заутюживаем к середине спинки и полочки.

● Боковые швы блузки и внутренние срезы рукава стачиваем одновременно одним швом.

● Приступаем к обработке горловины. Обтачиваем концы и долевые

края воротника-стойки до надсечек, определяющих начало и конец втачивания воротника в горловину. Воротник вывертываем, швы выправляем и приутюживаем. Внутреннюю часть стойки складываем лицевой стороной с изнанкой изделия и втачиваем со стороны воротника. Срез наружной час-

ти стойки подгибаем на 0,5—0,7 см внутрь и настрачиваем на расстоянии 0,1 см от подогнутого края, закрывая строчку втачивания внутренней части стойки.

● Низ рукава перегибаем в сторону изнанки на 0,7—1 см, затем перегибаем вторично — до длины, намеченной вами, и застра-

швы, выжим, выправляем...

Шелк, вязан, вышиван...

ОТ РЕДАКЦИИ. В последних выпусках «Хозяюшки» мы постарались удовлетворить просьбы наших читательниц, которые хотели сшить себе платья больших размеров. И все-таки «Хозяюшка»

в долгу перед теми, кто немного вяжет и нуждается в наших советах. Пожалуйста, читайте следующий номер «Крестьянки» — в приложении к нему вы найдете модные вязаные новинки.

чиваем на 0,1—0,2 см от сгиба.

● Беремся за юбку. Соединяем друг с другом все шесть клиньев, оставляя место для застежки. Ее края заутюживаем, с изнанки подкладываем под них застежку-«молнию» замком к заутюженным срезам, настрачиваем с помощью специальной лапки. В конце застежки строчка должна идти перпендикулярно разрезу на расстоянии 0,1—0,5 см от последних звеньев «молнии».

Верхний срез юбки обрабатываем притачным поясом. Сначала делаем пояс, затем накладываем его внутренней частью на изнанку юбки, уравниваем срезы и притачиваем. Низ подшиваем утюгом в подгиб.

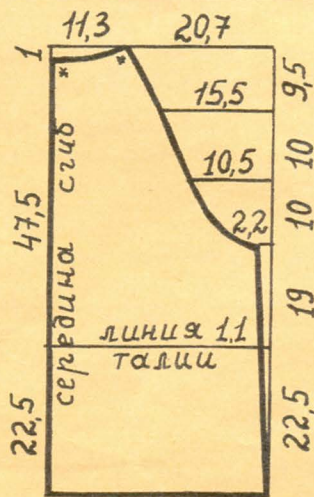
Еще раз уточним размеры: рост — 168 см, обхват груди — 110, обхват бедер — 114, обхват талии — 92 см. Расход ткани — 4 м 60 см (при обычной для ацетатного шелка ширине полотна 80—90 см).

Все работы на машине выполняем иглками номер 70—75: тонкая игла не даст пробивки, при обработке ацетатного шелка это очень важно.

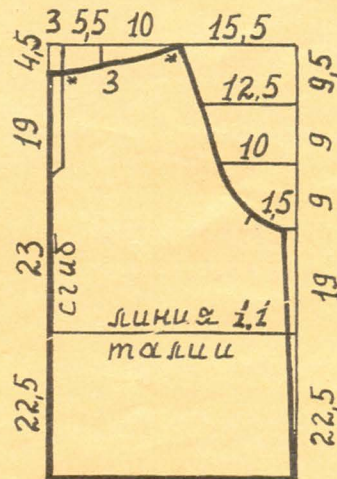
Силуэт блузы приобретает особую современность, если подшить к плечам подплечики. Вы можете сделать их сами (см. чертежи). Выкраиваем из тонкого поролонa две основные детали, еще две детали делаем из ткани платья. Соединяем вытачки и верхние срезы деталей из поролонa по краю на стачной машине зигзагообразной строчкой. Внутреннюю часть подбиваем «подкладкой» из ткани платья, верхнюю часть тканью не покрываем, чтобы не скользило. Подшиваем подплечики к горловине поролоном кверху.

Т. АНДРЕЕВА

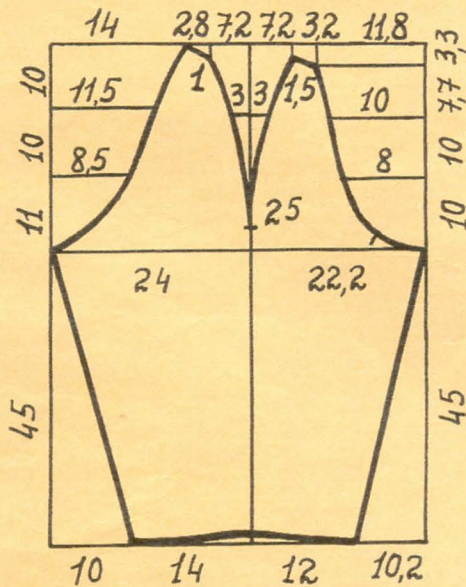
Чертежи и рисунки автора.

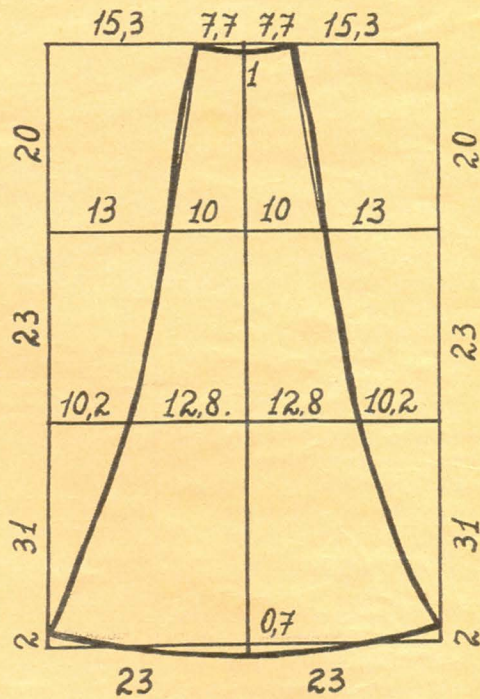
Спинка 1дет.

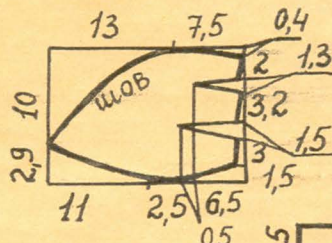
Полочка 1дет.

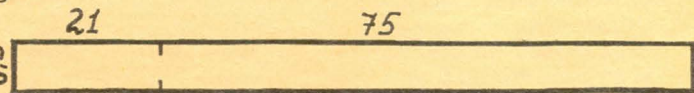
Рукав 2дет.

Клн юбки 6дет.

Подплечики 2дет.

Воротник-стойка 1дет.

швей, важен, боциваан

В прошлый раз мы говорили о том, как сделать удобную и модную сумочку по своему вкусу. Но как быть, если утром вы вышли с такой сумочкой из дому, а возвращаетесь с объемистыми покупками?

СУМКА НА ЛЮБОЙ СЛУЧАЙ

Эlegantнее да и удобнее универсальная сумка, объем которой вы сможете

всего плащевка, болонья, джинсовая, советуем использовать вышедший из употребления плащ, старую куртку, изношенные брюки... Дно, крепления, ручки, элементы декора — из подготовленной вами кожи. Понадобятся также подкладка из легкой прочной ткани, прокладка жесткая (суровое полотно, бортовка) и мягкая (ватин), 3 застежки-«молнии» — одна большая декоративная и две маленькие для внутренних карманов; тесьма, кнопки; крепкие нитки — капрон, полиэстер или хлопчатобумажные № 30. Первый этап работы — раскрой деталей (припуск

на каждую — 0,5 см). Кроить ткань вам, вероятно, будет несложно, а вот как быть, если выкроить кожаное дно сумки целиком невозможно — кусочки кожи слишком малы? Тогда выкроите дно из плотной ткани и выложите его кусочками кожи встык один к другому, наклейте их на ткань резиновым клеем, а затем закрепите швом зигзаг на машине или вручную.

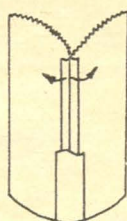
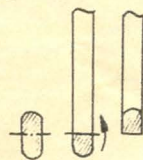
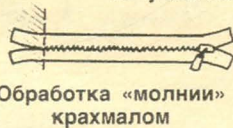
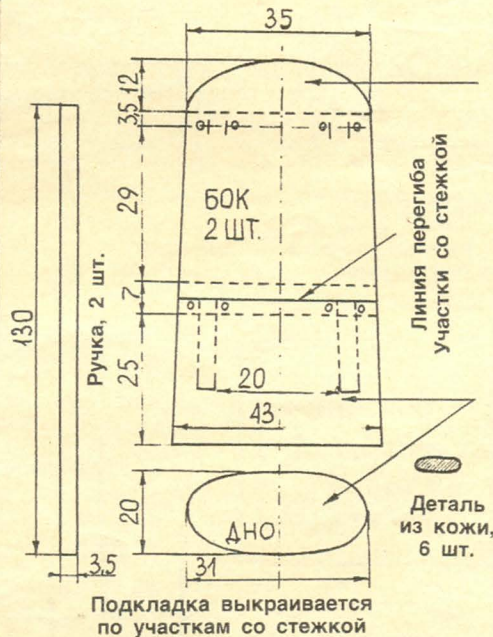
Дно можно укрепить плотным материалом (бортовкой, брезентом), накрыв подкладкой. Все

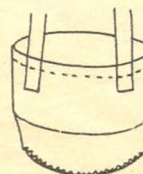
уменьшить и увеличить за считанные секунды, не потребует и вынимать содержимое.

Благодаря кнопкам около ручек можно изменять длину сумки, превращая ее среднюю часть во внутренний карман. Раскроить и сшить такую сумку можно по предложенным чертежам. Однако ни в коем случае не хотим лишить вас инициативы: чертежи — это всего лишь основа, в соответствии с которой вы можете варьировать размеры сумки, отделку, длину ручек и т. д. Можно сделать макет будущей сумки из плотной бумаги в натуральную величину, приколоть булавками ручки, элементы отделки; сразу увидите, как будет сумка смотреться, удобны ли вам размеры, если нет — подгоните макет к своей фигуре, росту.

Теперь уже можно и за раскрой браться. Ткань для сумки плотная, лучше

Тесьма

слои скрепляем по контуру швом зигзаг.

С боковинами придется повозиться подольше. Сначала обрабатываем верхнюю часть с «молнией». Чтобы удобнее было вшивать «молнию» в обе половины, можно аккуратно снять с нее металлическую закрепку, закрепить заштрихованную часть застежки бесцветным лаком для ногтей или крепким крахмалом, снять с «молнии» замок и работать с отдельными половинами ее, вшивая их отдельно. Когда закончите работу, замок наденьте на «молнию» и сделайте новую закрепку в конце застежки.

Если вы решили украсить боковины декоративной и одновременно укрепляющей стежкой, то, когда будете вшивать застежку-«молнию», сразу вставьте между подкладкой и основной тканью мягкую прокладку.

Нижней строчкой стежки можно одновременно зафиксировать внутренние карманы с «молниями». Размер карманов — по вашему желанию, лишь бы в них разместились те вещи, которые вы постоянно носите с собой (расческа, кошелек, очечник и т. д.). Пришивают карманы к верхним деталям сумки, чтобы при трансформации сумки они всегда были под рукой.

Шелл, важан, — вышиваеи.

Обрабатываем низ боковин. Изнутри до линии перегиба на них накладываются мягкая прокладка и подкладка, намечиваются и отстрачиваются. Боковые края и низ оставляем пока не заделанными.

Беремся за ручки. Внутри детали вкладываем кусок корсетной тесьмы нужной длины, отстрачиваем среднюю часть ручки до уровня крепления к сумке. Пришиваем ручки

к боковинам: верхний уровень крепления — линия перегиба. Ручки накладываются по расходящимся линиям. Внизу их можно закончить кожаными накладками.

Для этого выкраиваем кожаную деталь нужной формы, наклеиваем ее резиновым клеем на боковину до оси симметрии, внутрь до этого уровня вставляем ручку, прострачиваем швы и «захлопыва-

ем» кожаную деталь сверху ручки на клей (лучше всего «Момент»).

Сшиваем готовые боковины. Сумка почти готова, только пока без дна. Боковые швы раскладываем в разные стороны, проглаживаем утюгом и закрываем прочной синтетической тесьмой. Застежку «молнию» фиксируем в начале и в конце кожаными деталями таким образом: делаем шов по оси симметрии детали, далее деталь «захлопываем» уже известным нам способом. Кожаная деталь — тоже элемент декора, размер ее должен быть таким же, как

и у накладок на ручки. Теперь почти готовую сумку, которая выглядит, как труба без дна, согнем по окружности по линии перегиба, наметаем и сделаем декоративную отстрочку по кругу на расстоянии 3,5 см, закрепляя одновременно ручки.

Выворачиваем сумку. Обратите внимание: «средняя» часть ее получилась тонкой, однослойной — за счет ее и увеличивается размер сумки, а в сложенном состоянии эта часть является вместительным карманом.

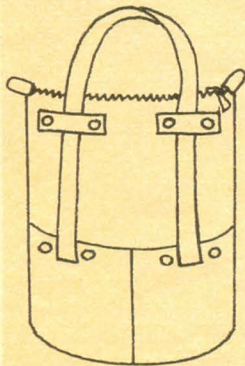
Пришла пора вшить дно. Притываем его к боковинам по изнанке, отстрачиваем на машине, закрываем шов внутри прочной тесьмой. Осталось установить кнопки в мастерской металлоремонта, их можно заменить «репейником».

Чтобы в разложенном виде сумки ручки крепились к ее верху, нужно вырезать кожаные детали (размер, как у всех предыдущих), на которые тоже ставятся кнопки (или «репейник»). Когда сумка раскладывается, эти детали крепятся на освободившиеся кнопки в верхней части боковин. Внутри них продеваются ручки. Если кожаные детали с кнопками не используются, их удобно держать в карманах сумки.

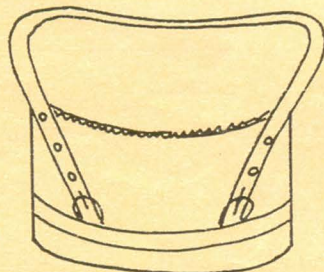
Остается заметить, что такую сумку можно сделать и с меньшим количеством кожаных деталей, дно можно изготовить из ткани, но в этом случае оно должно быть простегано и укреплено двумя слоями бортовки. Сшивая дно из ткани с боковинами, вставьте между ними для фиксации формы дна веревку, зашитую в рулик из мягкой ткани. Схема декоративной стежки возможна любая, мы предлагаем вариант, который вы видите на рисунке.

На наших рисунках вы видите несколько вариантов различных сумок, выполняемых по предложенной нами схеме.

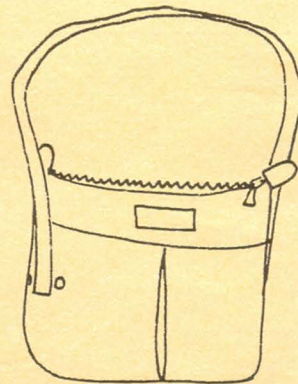
М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА,
дизайнеры по костюму.
Чертежи
и рисунки авторов.

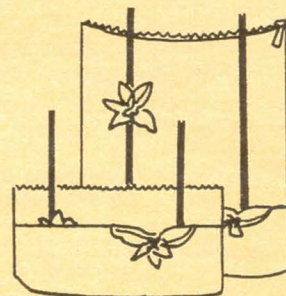
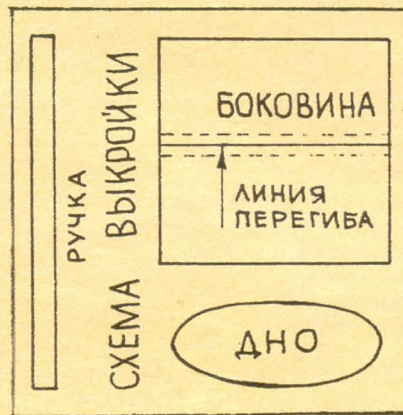
Универсальная сумка из двух видов ткани

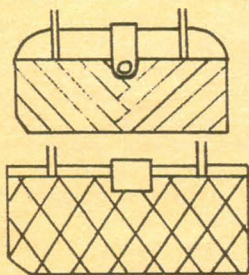
Универсальная сумка с ручкой из кожаного ремня

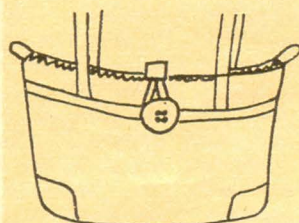
Спортивная сумка с кожаными деталями

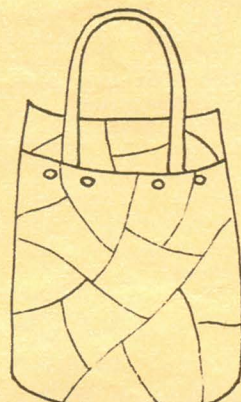
Сумка с кожаной аппликацией

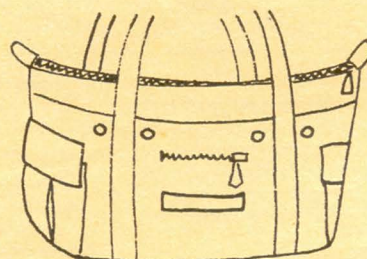
Сумочки со стежкой

Сумка в фольклорном стиле

Сумка из кусков ткани, кожи

Дорожная сумка с кожаным дном

красота и здоровье

В прошлом номере мы начали разговор о свойстве кожи человека излучать тепло, на чем основываются один из эффективных методов народной медицины — бесконтактный, или воздушный, массаж.

«ТЕПЛО СТЕКАЕТ С МОИХ ПАЛЬЦЕВ...»

В. ИВАНОВ,
заслуженный
врач РСФСР, доктор
медицинских наук

БЕСЕДЫ О БЕСКОНТАКТНОМ МАССАЖЕ

Тепловое излучение нашей кожи — величина непостоянная, она меняется в зависимости от состояния здоровья, эмоций, условий внешней среды, от характера работы, отдыха.

Но и в момент самого сильного теплоизлучения массаж не даст облегчения, если не овладеть техникой его проведения.

Первейшее правило — строгое соблюдение правил личной гигиены. Руки должны быть идеально чистыми и сухими, подушечки пальцев мягкими, ногти подстрижены. Кольца, цепочки, браслеты снять. Алкоголь и курение исключаются полностью. Массаж нужно проводить в спокойной обстановке, без лишних разговоров — все это отвлекает. Мышцы пациента должны быть расслаблены.

...Руки вымыли, обсушили? Теперь попытаемся согреть их с помощью усиленного притока крови. Для этого пальцы и ладони сведем вместе (см. рис. 1). Удерживая их на уровне груди, плотно прижимаем ладони друг к другу, затем, с сопротивлением опираясь на кончики пальцев, считаем до шести, стараемся на счет «семь»

отжать ладони, одновременно разводя пальцы в стороны и друг от друга. Снова начинаем счет в заданном ритме, на счет «три» сделаем паузу в верхней точке, но не расслабляя мышц, на счет «семь» с силой сводим пальцы и ладони в исходное положение. Вновь начинаем счет, на «три» делаем паузу при расслабленных мышцах до счета «семь», после чего повторяем упражнение, и так 4—5 раз, пока в подушеч-

к другу, мышцы рук и грудной клетки максимально расслаблены. Мысленно вы медленно произносите формулу внушения: «Мои пальцы наполнились теплотой, я чувствую, как она накапливается в центре ладоней и на кончиках пальцев. Ее

донью и щекой? Если 5—10 — вы хорошо подготовились к проведению массажа.

Теперь необходимо установить тепловой контакт с тем, кого вы собираетесь массировать. Поднесите ладонь (ее середину) к участку кожи, выбранному для массажа. Ощутили тепло, исходящее от кожи пациента? Значит, тепловой контакт есть. Повторите движение ладони несколько раз, чтобы убедиться в стойкости ощущения теплового потока, — контакт должен сохраняться на протяжении всей процедуры массажа.

Замечу, что бесконтактный массаж (как и все другие виды массажа) может быть общим — когда воздействию подвергается все тело, и частичным — при котором воздействуют на отдельные участки тела (мы уже запомнили, что их называют зонами Захарьина — Геда) или на рефлексогенные зоны, о которых мы часто говорили в связи с точечным массажем.

Общий массаж показан ослабленным людям после тяжелых заболеваний, кровопотери, сильного переутомления. Длительность его — от 45 до 60 минут. Частичный поможет снять отдельные симптомы нарушения нормальной деятельности организма: головную боль, боль в суставах, зуд кожи, затрудненное дыхание, мучительный кашель, бессоницу, приступы болей при невралгии и т.п. Его длительность — от 10 до 20 минут.

Бесконтактный массаж, особенно профилактический, можно делать 2—3 раза в день.

Теперь о технике выполнения массажных движений: они должны проводиться ладонью или подушечками пальцев в определенных направлениях. На передней поверхности

Рис. 1.
Согревание ладоней и пальцев.

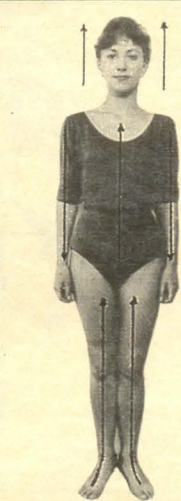

Рис. 2.
Направление движений ладони при общем массаже.

как пальцев не возникнет ощущение теплоты и пульсации крови.

Пока что это повышение теплового излучения достигнуто за счет некоторой физической нагрузки. Теперь мы попытаемся увеличить его с помощью второго упражнения, которое является элементом аутогенной тренировки и помогает включить в процесс центры терморегуляции головного и спинного мозга.

Исходное положение — то же, что и для первого упражнения. Пальцы и ладони крепко прижаты друг

все больше и больше, она обжигает мне руки. Я чувствую, как тепло начинает стекать с моих пальцев и ладоней...»

При некоторой тренировке в результате двух этих упражнений можно повысить температуру ладоней и подушечек пальцев на 5—6° по сравнению с исходной, этого достаточно для проведения бесконтактного массажа. Попробуйте поднести ладонь к своей щеке и прижмите ее, пока не почувствуете тепло щеки. Сколько примерно сантиметров осталось между ла-

тела — от кончиков пальцев ног по их передней поверхности, затем по передней поверхности живота, грудной клетки, шеи и до теменной области головы. На задней поверхности тела — от теменной области по задней поверхности шеи, по спине, бедрам, икроножным мышцам, по подошве до кончиков пальцев на ногах.

На руках: на задней поверхности — от кончиков пальцев по предплечью, плечу, сбоку шеи до височной области головы; на пе-

редней поверхности — от плечевого сустава по плечу, предплечью до кончиков пальцев по тыльной стороне кисти (см. рис. 2).

Бесконтактный массаж может быть, как и другие виды массажа, успокаивающим и возбуждающим.

При **УСПОКАИВАЮЩЕМ** движении ладони медленные и длинные, до 20 см, в конце своего пути ладонь разворачивается в обратную сторону движения, словно бы тормозя тепловой поток. На одном

участке кожи движения повторяются 3—4 раза. Если требуется частичный массаж, то в зонах Захарьина—Геда или рефлексогенных зонах необходимо в дополнение к общим движениям сделать еще круговые центром ладони, как бы «вывинчивая», «вытаскивая» тепло из этого участка кожи. Ладонь при этом медленно отводится от тела.

Успокаивающий массаж показан при болях, зуде кожи, нервном напряжении, спазме мышц, кишечника, желчных протоков, при невралгиях, головокружении, бессоннице, при тенденции к повышению давления.

При **ВОЗБУЖДАЮЩЕМ** массаже движения бы-

стрые, короткие, в конце ладонь разворачивается по ходу движения, как бы подталкивая тепловой поток. На одном участке движения повторяются 4—5 раз. При массаже зон Захарьина—Геда или рефлексогенных зон круговые движения центром ладони должны как бы ввинчиваться в кожу, словно вдавливая в нее тепло. При этом ладонь приближается к поверхности кожи толчками.

Показан возбуждающий массаж при утомлении, мышечной слабости, сонливости, пониженном давлении, отсутствии аппетита, при хронических экземах, плохом заживлении ран, сексуальных расстройствах.

...И ПРИСТЕГНУТЬ БРОШКОЙ

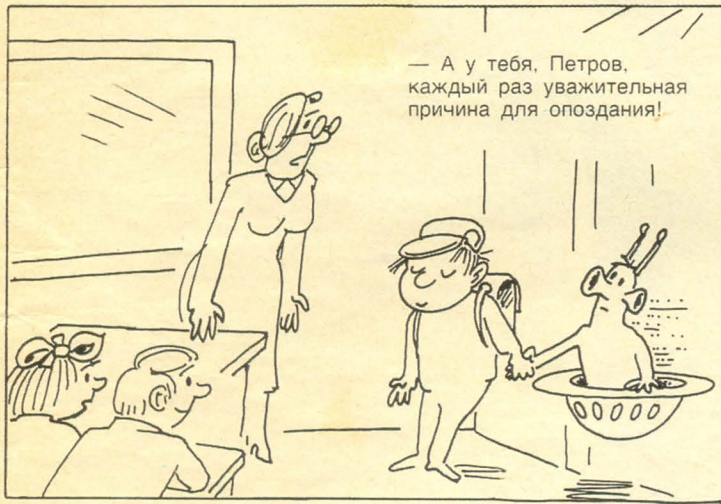
В прошлых выпусках «Хозяюшки» мы уже говорили с вами о том, как с помощью простого шарфика изменить облик, стиль одежды. Того же эффекта можно добиться и благодаря косынке, фигурному поясу, банту, галстучку, тесемке... Умело варьируя их, вы сумеете придавать всегда новый вид своей блузе. И ломать голову над ее фасоном нет нужды: модный крой без вертикальных вытачек, с заниженной проймой и подплечиками. А к блузке — несколько вариантов модных съемных деталей.

Изготовить бант или косынку вам, вероятно, будет нетрудно. А вот как делаются небольшие съемные фигурные детали? Выкраиваем две одинаковые детали с припуском на шов 0,5 см, обтачиваем, оставляя незастроченными 5 см, через этот промежуток выворачиваем деталь налицо. Чтобы изнаночный шов не стягивал ткань, осторожно делаем ряд насечек. Выметываем. Зазор зашиваем на руках потайным швом. Простуживаем через тонкую, увлажненную ткань. К блузе фигурные детали прикрепляются брошью.

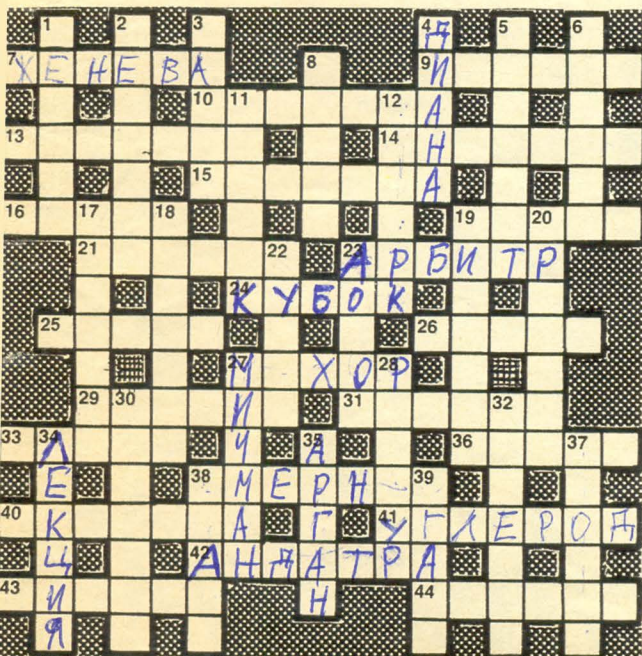
Е. ПАНУЛИ, художник.
Рисунки автора.

Рис. С. ВЕТКИНА,
Ю. КОРЧАГИНА,
В. ХОМЯКА.

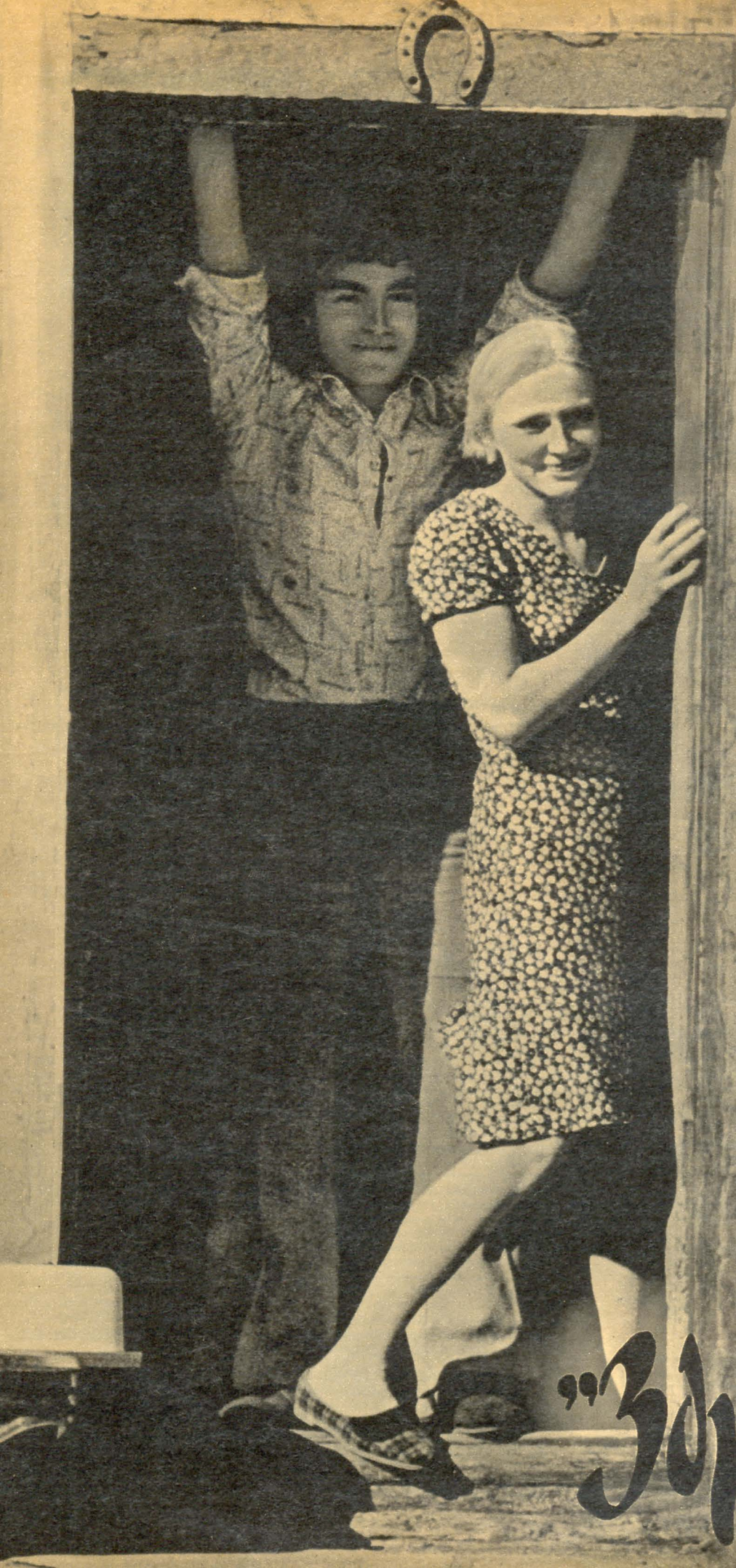
КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Город в Швейцарии. 9. Кинорежиссер, постановщик фильма «Поднятая целина». 10. Народный художник СССР, автор картины «Оборона Петрограда». 13. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 14. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 15. Короткий шуточный номер, исполняемый на эстраде. 16. Стихотворение А. С. Пушкина. 19. Остров в Карибском море. 21. Пьеса М. Горького. 23. Спортивный судья. 24. Спортивный приз. 25. Музыкальный ансамбль. 26. Государство в Западной Африке. 27. Музыкальный лад. 29. Спортивное общество. 31. Итальянский писатель, автор книг для детей. 33. Опера-балет Н. А. Римского-Корсакова. 36. Рыба рода лососей. 38. Часть света. 40. Действующее лицо повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка». 41. Химический элемент. 42. Грызун с ценным мехом. 43. Итальянский живописец. 44. Рассказ В. Г. Короленко.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Выдающийся немецкий астроном. 2. Недостаток времени для обдумывания шахматного хода. 3. Точка небесной сферы, противоположная зениту. 4. Богиня охоты в древнеримской мифологии. 5. Рядовой в артиллерии русской армии. 6. Роман Б. Полевого. 8. Озеро на севере Финляндии. 11. Поэма Т. Г. Шевченко. 12. Гора в центральной части Большого Кавказа. 17. Советская спортсменка, многократная победительница всесоюзных и международных конькобежных состязаний. 18. Песня А. Пахмутовой. 19. Крупная водоплавающая птица. 20. Геодезический инструмент. 22. Советский минералог, автор трудов по метеоритике. 23. Вращающаяся деталь машин. 27. Военское звание военнослужащих ВМФ. 28. Судно для перевозки автомобилей, трейлеров и другой колесной техники. 30. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 32. Выступающая часть обода колеса. 34. Учебное занятие в высшем учебном заведении. 35. Духовой клавишный музыкальный инструмент. 37. Многолетний режим погоды, характерный для данной местности. 38. Предварительное объявление о спектакле. 39. Река на Камчатке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Боб. 5. Овраг. 6. Ясень. 8. Уяр. 10. Фауна. 12. Литке. 14. Вальдшнеп. 16. Монблан. 17. Дудинка. 18. Снеток. 19. Кактус. 20. Тоня. 22. Юкка. 24. Шликер. 26. Буйвол. 28. Афалина. 30. Айсберг. 31. Анималист. 32. Рукав. 33. Адлер. 34. Каюр. 35. Гриф. 36. Или.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Багульник. 2. Боярышник. 3. Ураган. 4. Медведь. 7. Анабас. 9. Сириус. 11. Айован. 13. Кеклик. 14. Валериана. 15. Пустовойт. 21. Ондатра. 23. Кенгуру. 24. Шеллак. 25. Розмарин. 26. Биология. 27. Лебедь. 29. Анчар. 30. Аспид.

«Пишу впервые и не знаю, поймете ли вы меня. Скажите, почему так страдают некрасивые девушки, почему так не везет им в жизни? Смотришь, красивые в 18—19 лет уже выходят замуж, а некрасивые... Сидят и ждут, выберет их кто-нибудь или нет. А сколько ждать? Если идут по улице две подруги, то все обращают внимание на красивую, и вряд ли кто-то догадается, что в этот момент больно стучит сердце у некрасивой, что у нее есть душа, но никто эту душу разглядеть не хочет. Бывает, парни бросают вслед обидные слова, насмешничают. Разве захочется после этого идти в кино, тем более на танцы? Вот и сижу в основном дома. Вы, наверное, уже поняли, это все ко мне относится. Просто не решилась сказать сразу: «Здравствуйте, я некрасивая». Если прихожу в гости, то стараюсь выбрать место не на виду. Все разговаривают, обсуждают что-нибудь, мне тоже есть, что сказать, а я молчу в своем уголке, чтобы лишней раз внимания на себя не обратить. Жить так очень тяжело.

Марьяна С.

Запорожская область».

Время меняет редакционную почту, и сегодняшних девушек не волнует многое из того, что волновало их мам. Но есть вечные темы, вечные вопросы. Марьянин как раз из них: «Отчего одним — красота в дар. К дару само собой и счастье в придачу, а другим ничего, одни страдания?» И ответ на это давным-давно найден и всем известен: «По одежке встречают, по уму провожают», «Не родись красивой, а родись счастливой»... Поэты написали немало строк о цене и сути красоты. Но ведь внешность — не вся судьба. Счастливы или несчастливы в равной степени красивые и некрасивые. И обсуждать вроде бы нечего. А девочки, не замечая ничего вокруг, сосредоточенно всматриваются в зеркало, и оно, холодное, безучастное, отражает то нос, про который не скажешь «точеньй», то веснушки, то глаза не такие большие и синие, как хотелось бы, — и на душе мутно. Тут еще вонзится занозой чье-то бездумное злое слово...

Иногда кажется странным, что именно в юности человек испытывает острое недовольство своей внешностью. Ведь юность сама по себе красота. Способна иногда в один миг превратить неуклюжих девчонок в очаровательных девушек. Но странного в волнении «красива — некрасива» ничего нет. Ведь именно в это время человек обнаруживает в себе острое желание нравиться окружающим и кому-то одному из них особенно, жаждет внимания, признания сверстников. Не замечает этого — испытывает тревогу, а естественное в этом возрасте ожидание любви усиливает ее до трагической ноты. «Выберет

“Зоравсми”

ли кто-нибудь меня? Сижу, жду — сколько ждать?» Можно и не дожидаться, если сидеть, жалеть себя, оплакивать: «Ах, судьба несправедлива! Меня обделила притягательной внешностью, всех парней — чуткостью, но хотят и неспособны душу разглядеть, красоту им подавай! Что делать?» Жить, а не прокидывать, иначе все пройдет мимо, останется лишь обида на белый свет.

Для начала надо отложить зеркало и попробовать оценить себя без его услуг. Нелишне разобраться, рядом с кем ты меркнешь, с кем не выдержишь сравнения. С Неизвестной Крамского или Сикстинской мадонной Рафаэля? Ну, кто же с ними сравнится? И потом, эталоны красоты меняются со временем. Объявившись среди нас Аполлон или Венера со своим уже музейным совершенством, вряд ли они завоюют толпу поклонников и поклонниц. Нынче ценится индивидуальность. Окружающих нас людей мы ценим одного за ум, другого за неунывающий нрав, третьего за то, что всегда сумеет выслушать и посочувствовать... И нас они отмечают, замечают, выбирают по таким же свойствам и в детстве, и в юности, и в зрелом возрасте.

Есть люди, обладающие особой притягательностью. О них обычно говорят: «центр внимания» или «душа компании». Наверняка Марьяна таких встречала. А разве у всех у них внешность на пять с плюсом? О внешности интересного, приятного человека вообще забываешь. Он обаятелен, а это, пожалуй, больше, чем красота.

Так что мы не всегда знаем, как видят нас окружающие. Смотрят на нас разные люди (кому-то мы не нравимся, а кому-то очень нравимся) в минуты разного нашего настроения. И на впечатление, пожалуй, больше всего влияет то, как мы держимся. Отвлекись на минуточку Марьяна от своего «долго ли ждать и дождусь ли», наверняка заметит, что некоторые из ее одноклассниц или соседок куда некрасивей, чем она. Но непосредственно, раскованно, не спешат зайти в уголок, не бояться слова молвить. Смешно — смеются, хочется танцевать — танцуют, благо сейчас и приглашения ждать не надо, вставай рядом со всеми и танцуй. Отдаваясь музыке, ритму, некоторые так преображаются, что диву даешься: неужели это та самая девушка, которая минуту назад показалась некрасивой?

Вот и Марьяна так могла бы. Что ей, собственно, мешает? Может быть, застенчивость? Если верить и доверять только зеркалу да еще словам, которые бросают вслед не самые умные люди, то и застенчивости недолго развиться. Придется ее преодолевать. Как? Говорят, где потерял, там и найдешь. Вылезать из угла и заставлять себя участвовать в общем разговоре. Это страшно, трудно.

Но надо делать шаги навстречу другим, если одиночество, в которое себя загнала, не устраивает. И ни в коем случае не паниковать потом: «Я не так сказала, все на меня посмотрели, кто-то подумал...». Все увлечены разговором, каждый спешит высказаться, не до того им, чтобы размышлять о твоей внешности. Так что не окружающие, ты сама на ней сосредоточена.

И в танце никто тебя не будет разглядывать. Не умеешь танцевать — обязательно научись. Неуклюжесть, неловкость девушку никак не украшают. Последи за походкой, за осанкой. Они очень влияют на впечатление о внешнем облике. Ласковое старинное слово «лебедушка» относилось именно к осанке женщины, которая всегда чтилась на Руси. Можно вспомнить и об особой стати горянок, носивших на голове кувшины с водой. Но все, как говорится, дело наживное. Есть простейшие упражнения: постоять две-три минуты у стены, касаясь ее пятками, лопатками, затылком, походить по комнате, положив на голову кусочек картона или тетрадь... Если не сидеть сиднем, а повторять это изо дня в день — распрямятся плечи, перестанешь сутулиться. Уже не будешь выглядеть поникшей и унылой.

Неплохо бы позаботиться и о выражении лица, с коим выходишь на люди. Иногда у хороших, доброжелательных девушек лица так скучны и угрюмы, что не сразу разберешься, что за этой угрюмостью. Кто же виноват? Невнимательные окружающие? Если хорошо относишься к людям, постарайся это выразить.

Приятней всего лица, светящиеся приветливостью. Всегда, в любой компании хочется оказаться рядом с таким человеком. С ним чувствуешь себя спокойно, защищено. В магии этих лиц нет ничего сверхъестественного. Заинтересованный взгляд, обращенный на тебя, добрая улыбка. Мы все способны улыбаться, но подчас забываем об этой способности. Тут, кстати, зеркало может помочь. Загляни в него лишний раз, чтобы убедиться: достаточно ли ясно выражено на моем лице то, что несу в себе — хорошее настроение, расположение к людям, доброе к ним отношение. А коли его нет, то никакая приличная мина на лице не спасет. Потому что главное и окончательное впечатление, которое производит на нас человек, зависит прежде всего от его душевного склада. Иначе все красивые жили бы без всяких проблем.

«Про меня, наверное, многие думают: у нее все хорошо, ей не на что жаловаться. Девочка я видная. — пишет в «Девичник» читательница К. Медведева. — Это все мне говорят, а многие считают меня самой красивой в школе. И одета я лучше всех. Не хвастаюсь, просто я единственная у родителей, и они

мне ни в чем не отказывают. А вот на душе у меня... Скоро исполнится семнадцать, а постоянного друга пока нет. И я завидую одной своей однокласснице, у которой есть верный парень. Он живет за 60 километров от нашего поселка, но не бывает недели, чтобы к ней не приехал. В девчонке этой, честно говоря, ничего особенного. А так повезло! Я многим нравилась. Но походит со мной парень дня три и. смотришь. — уже с другой. Отчего они такие легкомысленные, непостоянные и как найти верного друга?»

Инструкции для поиска тут, пожалуй, не выдашь. Можно отважиться лишь на совет: от вопроса, почему они, парни, такие, повернуть мысли в другом направлении — а какая я? Красива, спору нет, а за душой что? Случайно ли интерес ко мне гаснет через три дня? Может, со мной не о чем поговорить? Суровые вопросы, но себе надо ответить честно. Действительно, что меня волнует в жизни? Тряпки, книги? Способна ли я размышлять над ними? Ценю ли я что-то в людях или ничего хорошего не вижу, себя считая самой красивой и лучшей? Способна ли понять чужие проблемы? Выразить сочувствие чужой беде?.. Если не складывается желанных отношений с окружающими, разберись в себе. Как это сделала, к примеру, Елена К., письмо которой («Беда с этим характером!») было опубликовано в пятом номере нашего журнала. Ей тоже не хватает уважения и любви. Причины она видит в своем «несчастном» характере — «высокомерна», «зла», «вспыльчива». Она тоже спрашивает, что делать. Воспитывать себя. Нелегкая работа, но первую ее половину Лена выполнила — беспристрастно себя оценила, поняла, что надо преодолеть.

Многое в судьбе человека, в расположении к нему других зависит от того, как его воспитают и, главное, как он сам себя постройит.

Всем известно имя княгини Трубецкой, жены декабриста Сергея Трубецкого. Одна из самых прекрасных героинь прошлого века. Первой отправилась за мужем в Сибирь, восхитив всех силой своей самоотверженной любви и долга. Немало свидетельств оставили нам о ней ее современники. Они воссоздают образ женщины не только самоотверженной, но и очаровательной. Но вот как нарисовал ее портрет декабрист Андрей Розен:

«Екатерина Ивановна Трубецкая была некрасива лицом, не стройна, среднего роста, но когда заговорит, — так что твоя краса и глаза — просто обворожит приятным голосом и плавною, умною и доброю речью, так все слушал бы ее. Голос и речь были отпечатком доброго сердца и очень образованного ума от разборчивого чтения...»

Тамара АЛЕКСАНДРОВА

Снимок П. НОВИКОВА
прислан на наш фотоконкурс.

«Вот я некрасивая...»

И СТО ЛЕТ
НЕ ВОЗРАСТ
ДЛЯ

МНОГОЦВЕТЬЕ ГЖЕЛИ,

МОДЫ

Как одевались женщины в Рязанской, Вологодской, Вятской губерниях сто лет назад? И почему платье нашей юной современницы напоминает наряд ее бабушки, родившейся в начале века? На эти и многие другие вопросы отвечает выставка «Народные мотивы и современное моделирование» во Всесоюзном музее декоративно-прикладного искусства в Москве.

Любопытно, что единого «русского» костюма как такового никогда не существовало: в разных концах России носили свой наряд. Прославленный на весь мир сарафан был популярным в основном на севере. На юге и в центре России женщины одевались в просторные, не стесняющие движений рубахи, в тяжелые сборчатые юбки-поневы с непременным передником и узорчатым пояском из перевитых цветных нитей. Голову украшала кичка с надевавшейся поверх сорокой (шапка с вышитым тканым чехлом), позднее — платок.

Рубаха в таком костюме всегда была на виду, поэтому богато украшалась узорчатым ткачеством, нашитыми лентами или вышивкой. Причем узоры легко «читались». Ромбы и кресты символизировали небесные знаки огня и солнца, стилизованные женские фигурки — мать-землю, основу жизни. Не случайны были и цвета в одежде. Красный, например, подчеркивал красоту, тепло, доброту.

ДЫМКИ, ХОХЛОМЫ

шили одежду в основном из льняных холстов и шерсти, овчины простой выделки. И как шили! Деревенская мастерица — сама себе и пряха, и ткачиха, и вышивальщица, и швея — с большим вкусом и фантазией сочетала дмотканое полотно с покупным фабричным ситцем, атласными лентами, гарусной пряжей, золотыми и серебряными по-зументами. Праздничный наряд дополняли украшения — ожерелья, бусы в несколько рядов.

Неудивительно, что такой наряд — истинное произведение народного искусства — бережно хранили, передавая из поколения в поколение, от бабушки к внучке. Да и сейчас, любовно сбереженный, он нет-нет да и мелькнет на деревенской свадьбе.

Народный костюм, богатство его форм и красок всегда питали творчество создателей моды. И все же, согласитесь, каждая эпоха, каждое поколение неизбежно вносит в моду свои поправки. Возможно ли соединить неторопливость и плавность линий старинного костюма с динамизмом жизни нашего современника? Ответы тоже дает московская выставка. В экспозиции — около 200 моделей одежды, созданных по народным мотивам признанными законодателями отечественной моды. Посмотрите: неброские краски русского севера, ярмарочное многоцветье вятской дымки, золото нижегородской хохломы, ослепительная синь гжели, чудо вологодского кружева ожили в элегантных современных нарядах, украшениях.

Нелли ПРОТОРСКАЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

9·87

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,
Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Над оформлением номера
работала Т. А. НОВРУЗОВА.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 13.07.87. Подписано
к печати 29.07.87. А 00404. Формат
бумаги 60 × 90%. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 21,00. Тираж 17 462 000 экз.
(1—13 741 832 экз.). Изд. № 2371.
Зак. № 1018.

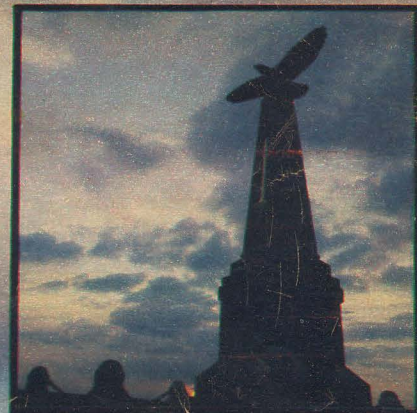
Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки
рис. Е. ФЛЁРОВОЙ.

На последней странице обложки
фото С. САФОНОВОЙ и
В. АНЦИШКИНА.

**К 175-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ**

112 тысяч русских воинов встретили восход солнца 7 сентября 1812 года на Бородинском поле. Деревушка, поле, небольшой овраг — ни грозных скал, ни мощных укреплений перед лучшей в мире армией французского императора. В такие дни взрослеет и мудреет сам народ, и это поле, этот день становятся вечным памятником его славы. Погиб любимец армии Багратион, умирают роты, полки и корпуса; русские не отступают. 58 тысяч наших воинов не дожили до заката солнца. Наполеон отвел войска первым. «Недаром помнит вся Россия про день Бородина»... Помнила, и помнит, и будет помнить всегда — свою славу, свою честь.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**